

Гай Юлий Орловский

ЩЩ@ДД

Длинные Руки —
король



Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки – король

«ЭКСМО»

2013

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – король / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2013 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-68061-0

На пути к спасению мира он спустился в глубины ада, где убивал нефелимов и уничтожал демонов, помня при этом, что самые опасные схватки впереди с теми, кто пострашнее жителей преисподней. Поэтому впервые Ричард не отказывается от королевской короны. Напротив, сам протягивает к ней свои загребущие... Но не к той, как все ждут. И не того королевства. И вообще королевства... которого нет.

ISBN 978-5-699-68061-0

© Орловский Г. Ю., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки — король

© Орловский Г.Ю., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Христианская нравственность скроена на вырост. К сожалению,
люди перестали расти.
Феликс Хвалибуг*

Часть первая

Глава 1

Красная каменистая земля сухо треснула. В щель выплеснулась, озарив все вокруг пурпуром, огненная река. С грохотом, сотрясшим землю, ударилась о выросшую со дна скалу, часть расплавленной земли даже попыталась взобраться на этот злой камень, но остальная масса магмы благоразумно раздвоилась на два потока.

Внизу горит и плавится, я с дрожью увидел, как огненная река уплотнилась, стала похожа на огненную тень, даже на силуэт человека, расплостертого на земле.

Еще через несколько мгновений я уже отчетливо рассмотрел расплостертого на выжженной земле огненного человека, огромного, как башня. Он поднялся медленно, соблюдая статус гиганта, багровый, с оранжевым огнем на сгибах локтей, шеи и коленей, неспешно и величаво повернулся на месте.

Сполохи адского огня продолжали играть на заостренном лице Сатаны, когда он неспешно оторвал от гиганта взор и повернул голову в мою сторону.

— Какой же он вложил потенциал...

— Какой? — спросил я.

Он коротко усмехнулся.

— Я вообще-то не об этом гиганте. О человеке... Столько всего в него вложено, что даже это вот существо из огня и металла копирует его, само того не замечая, хотя жалких, по его мнению, людишек ненавидит и стремится всех растоптать и уничтожить.

— Лучше пусть сидит здесь, — сказал я хмуро. — Не знаю как, но если выберется наверх, все равно уничтожим. Земля принадлежит человеку!.. Если даже преисподнюю почистили малость...

— Все не так просто, — сказал он задумчиво. — Разве вы еще не поняли, сэр Ричард? Под Храмом вовсе не преисподняя. Так, одна или несколько семей нефилимов, спрятавшихся некогда от потопа. В отличие от обнаглевшего человека, эти приняли угрозу потопа всерьез. Как вы знаете, большинство нефилимов сказали самоуверенно, что поднимутся на самые высокие горы, где вода не достанет, но кому, как не Создателю, который творил этот мир, знать высоту гор? Он запланировал потоп на семь ярдов выше самой высокой горы, помня о том, что рост самых высоких из нефилимов не превышает шести. Однако же некоторые нефилимы не стали карабкаться в горы, а предпочли уйти в пещеры поглубже и наглухо замуровали себя от поверхности, чтобы к ним не проникла вода.

Гигант медленно побрел по огненному озеру, магма ему до колена, но иногда проваливался почти до пояса.

Я спросил, не отрывая от него устрешенного взгляда:

— На одну из таких пещер мы и наткнулись?

— Верно, — подтвердил Сатана. — Нефилимы продолжали размножаться... в пределах пещер, конечно. Рыбы тут хватает, кроме того, убивают друг друга и съедают. Что так смотрите? Это же не им был дан запрет есть себе подобных. Раньше, между прочим, люди тоже не отказывались поедать друг друга! Самое лакомое мясо. Если вы называете себя демократом, то чего морщитесь?

— Демократия, — огрызнулся я, — еще не самое дно. Демократия — это варварство на самом высоком уровне! Усложнено культурой. Это раньше мир был предельно прост. Усложняться начал потом.

ангелы не в состоянии были развиваться потому, что не было необходимости?.. Этим толчком стало сотворение человека?

Он посмотрел с интересом, задумался.

— Хотите сказать, изначальной целью Творца было развитие именно ангелов? Для этого и создал человека?.. Соблазнительная мысль...

— Я не так сказал, — возразил я нервно. — Это был бы слишком сложный путь, а Творец, как все гении, предпочитает простые и ясные пути...

— А что для Творца миллионы лет? — спросил он.

— Хорошо, — сказал я, — пусть даже так. Но пока ангелы разовьются, человек к тому времени обгонит их, как заяц черепаху, и придет к Творцу в огненном теле, бессмертный и всемогущий...

Загрохотало, огненный фонтан расплавленной магмы, чуть изменив направление, с шипением дотянулся до стены. Красное пятно размером с деревенскую площадь начало вытягиваться вниз, быстро застывая.

В самом низу образовался массивный валик с направленными вниз багровыми каменными сосульками, похожими на гигантские коровьи дойки.

Я сказал нервно:

— Ну слава... гм... хотя мой напарник Сигизмунд огорчится, что это еще не ад, но я рад.

Он ухмыльнулся.

— Тем более вы и с Вельзевулом нашли какие-то точки соприкосновения? К взаимной выгоде?

Он бросил взгляд на мой меч. Тот в ножнах, но в рукояти мрачно горит багровым огнем крупный ограненный рубин в форме пирамидки со срезанной вершиной. Для людей рубин и рубин, пусть редкой окраски, очень зловещей, но любой с той стороны узнает этот знак власти.

— Временное сотрудничество, — буркнул я. — Вынужденное!

— Боюсь, — проговорил он со странной интонацией, — ад вам еще предстоит...

— Я точно туда попаду?

— Точно там побываете, — уточнил он. — Не знаю, какая нелегкая туда понесет, но побываете, вижу это смутно, хотя и отчетливо, как вы любите говорить.

Я тяжело вздохнул.

— Как жаль, что у вас нет реальной колдовской мощи! Как бы она пригодилась для борьбы с Маркусом!

— Я идеолог, — напомнил он. — Моя мощь во влиянии на людей. Идеология мощнее любых армий... Но в нашем случае, сэр Ричард, я тоже за то, чтобы в этот раз Маркус уничтожил человечество.

Я охнул.

— Но вам-то какая выгода?

— Творец, — сказал он с недоброй ухмылкой, — вложил в тело Адама несколько странную душу. Или душу со странностями, так точнее. Человек всегда почему-то полагает, что на тонущем корабле все погибнут, а он выплывет. Да еще и соберет на берегу выброшенные волнами сундуки с золотыми монетами. Отправляясь на новые земли, он всегда уверен, что там и трава гуще, и ручьи чище, и воды в озерах не видать, столько там рыбы. Паники среди людей нет не только потому, что покорны Создателю, а еще в каждом есть страстная надежда, что уцелеет именно он, выберется наверх, а там... это же его земля от горизонта и до горизонта! В развалинах замков нагребет золота, драгоценностей...

— Да какие драгоценности, — прервал я, — и развалин не останется.

— Вы не массовый человек, — укорил он. — Тем вы интереснее и, главное, перспективнее.

Из расщелины, совсем не той, откуда я ждал, показался Сигизмунд, бледный и хватающийся за стены, доспехи безобразно смяты, белокурые волосы окрашены кровью.

— До свидания, сэра, — сказал я.

Он ухмыльнулся.

— Ваш напарник меня не увидит. У него настолько цельная душа, в ней для меня места просто нет. К тому же могу, если хотите, приостановить время.

— Не хочу, — буркнул я. — Мало ли что потом потребуете за то, что мне вообще-то и не надо.

Сигизмунд приблизился, я видел в его глазах вопрос, что-то в моей позе показалось странным, но спросил только:

— Куда теперь, сэра Ричард?

— Вперед, мимо и дальше, — ответил я. — Но пока лучше обратно. Мы свое дело сделали. Кто может лучше, пусть делает.

Сатана хмыкнул, я сделал вид, что теперь и я его не вижу. Он понимающе улыбнулся, отступил в каменную стену с отпечатком древнего хвоща, не оставив там даже силуэта, хотя было бы здорово.

Сигизмунд попытался поднять меч, лезвие все выщерблено, как только не переломилось, но не сумел поднять такую тяжесть.

Я быстро ухватил его ладонями за впалые щеки и сразу ощутил, насколько он изможден и растерял все силы.

— Сэра Ричард...

— Молчи, — велел я, — мой запас паладинской мощи выше твоей. Сейчас тебе полегчает.

Он тряхнул головой, сбрасывая мои ладони.

— Спасибо, уже лучше. А вам надо поберечь силы, у нас долгий подъем. Разрешите, я пойду впереди?

— Давай, — сказал я. — Молодым у нас везде дорога.

Он ухитрился держать обнаженный меч наготове, когда двинулся в обратный путь. Я свой оставил в ножнах, тяжело вот так в руке, когда нужно хвататься за камни, взбираясь выше и выше, не оставаться же нам здесь, хотя обоих вообще-то сердобольные монахи, если говорить честно, принесли в жертву.

И хотя от ада удаляемся, но мне все жарче, кровь бьет в голову раскаленными волнами, только Сигизмунд не думает останавливаться, прет по почти отвесной стене, как таракан, даже по сторонам не смотрит, куда ему оглядываться на меня, бывшего сюзерена, уверен, мне так же легко и просто.

Я подтягивался, хрипел, ну почему у меня такая тяжелая задница, мышцы с виду толстые, а когда вот так все наверх и наверх, уже вопят и просят пощады. Неужели человек больше создан для войны, чем для ползания по скалам...

Сатана возник рядом так неожиданно, что я едва не разжал пальцы. Он кивнул в спину Сигизмунда.

— Он хорош. А вы что, и с падшими ангелами хотели бы сразиться?

Я прохрипел замученно:

— С какой стати? Они мне что, в суп плюнули? Или я смахиваю на драчливого барана, которому и повод не нужен? Их бунтарскость меня не колышет, я уже выдавливаю себя из этого возраста, хотя, конечно, пока слабо... Как почему, сопротивляюсь потому что! Вяло, но весьма активно. Во всяком случае, падшие ангелы пока что не в сфере моих гуманных интересов. Может быть, когда-нибудь, если все пойдет путем и делать будет ну совсем нечего, займусь и улучшением пенитенциарной системы, в народе ее зовут просто пенитарной, но не щас...

Он уточнил с интересом:

— Все же придете с мечом?

— Зачем? Их война — не моя война. Да и не знаю я объективно, что там было на самом деле.

Он спросил весело:

— А Святое Писание?..

Я взобрался на выступ, дальше дорога вверх чуточку получше, ответил с рассудительным достоинством:

— Мне бы еще и Антисвятое... Я же теперь правлю целым королевством... правда, еще и в глаза его не видел, но как бы правлю, да еще мудро и справедливо!.. То есть не просто парняга Рич, а государь, мудрый и объективный, все свое отдаст, чужого щепки не возьмет... Да-да, это обо мне, не надо эту ухмылочку!.. И вообще, сэра Сатана, я не бестелесный, как вы!

— Упрек принял, — ответил он с ухмылкой. — Исчезаю. Но не скажу, что так уж надолго.

Исчез так моментально, что я не успел заметить перехода. Стиснув челюсти, я прибавил шаг, стараясь догнать неутомимого Сигизмунда. Вообще-то ответил Сатане, не покривив душой, мне в самом деле кажется не совсем честным судить только со слов одной из сторон, не дав другой даже пискнуть в свою защиту и оправдание.

Но все равно падшие ангелы пока отпадают. Если не полезут сами, останусь в нейтралитете. У меня своих проблем выше крыши, чтоб еще богословские диспуты разбирать.

Сигизмунд поднимался вверх, как мне показалось, по меньшей мере год, а то и все сто лет, а мы всползли на высоту Эвереста, наконец он замедлил шаг и сказал достаточно бодрым голосом:

— Вот она!

Я взобрался к нему наверх, ноги как будто из горячей воды, череп заполнен расплавленным свинцом.

— Где, — спросил хрипло, — ты ее видишь...

— Да вон же она, — сказал он с изумлением.

Я усиленно заморгал, сгоняя пелену из пота и пыли, протер глаза. Стены справа и слева гранитно мрачные, картинно угловатые, а та, что приближается спереди, ровная, как бронированное стекло, хотя от нее веет той же, если не большей, несокрушимостью.

— С этой стороны совсем не фиолетовая, — пробормотал я. — Или это у меня в глазах уже все фиолетово... Давай переведем дух... А то вдруг они там дожидаются.

Он ответил серьезно:

— Да, вы правы, сэра Ричард. Не стоит им показывать, что мы устали.

Он бодро сел на обломок скалы, но вид у него все равно такой, что готов подпрыгнуть, как грассхоппер какой-нибудь, только скажи.

Я прислонился к стене, сесть страшновато, вдруг не смогу встать, сказал слабым голосом:

— Хотя вряд ли ждут.

Он кивнул.

— Понимаю.

— И ничего? — спросил я. — Нас отправили, чтобы мы, перед тем как погибнуть, перебили как можно больше демонов. Что мы и сделали успешно. Но почему-то не погибли... Как думаешь, почему?

Он прислушался, быстро встал.

— Сэр Ричард... мне кажется, снизу кто-то взбирается по стене. Когти стучат, слышите?

У меня только грохот крови в ушах, спросил слабо:

— Точно по нашим следам?

— Да, — ответил он, — однако, сэра Ричард, вы не правы в своих подозрениях! Святая стена защищает только от демонов и людей. А мы, паладины, сможем пройти, как сквозь дым от ладана.

Я усомнился.

— В самом деле?

— Надо верить, — воскликнул он пламенно. — И с верой в Господа и молитвой на устах... Пойдемте, сэр!

— Давай, — ответил я с сомнением. — Я за тобой. Если пройдешь...

Глава 2

Блестящая стена выглядит отвратительной, словно на нее долго дышал дракон, оплавляя камень, пока не добился вот такой блестящей, но непрозрачной стеклянности.

Сигизмунд подошел быстро, протянул руку. Я с изумлением увидел, как пальцы начали погружаться в эту подфиолеченную поверхность.

За кистью довольно быстро исчезло предплечье, а когда Сигизмунд вдвинулся плечом, я собрался с силами и с сильно бьющимся сердцем отклеился от стены.

Не оглядываясь, он сказал тяжело:

— Тру... дно... Однако... можно...

— Здорово, — откликнулся я. — Ты вообще ого.

Мои вытянутые вперед пальцы ощутили сопротивление чуть раньше, чем по телу пробежала волна острой боли. Я торопливо отдернул руку, постоял пару мгновений, стиснул челюсти и попробовал снова пощупать эту странную стену.

От кончиков пальцев остро и с такой силой ударило болью, что я вскрикнул, словно демократ, а не суровый рыцарь, умеющий преодолевать боль и даже шутить, когда по живому зашивают рану.

До того, как отдернул руку, успел ощутить, что там в самом деле преграда, такая же твердая и прочная, как самая лучшая сталь, совершенно материальная, к тому же снабженная нематериальной защитой, в которую мне никак не войти.

Сигизмунд исчез в ней уже почти весь, медленно втянулась, преодолевая сопротивление, нога, а я тупо смотрел, как исчезает сапог, словно погружается во вставшее дыбом вязкое болото.

Мелькнула стертая подошва, а по моему телу разлился смертный холод. Еще раз попытался протянуть руку, но пальцы задрожали в таком ужасе, что отдернул, будто снова ударило острой болью. Плоть помнит, как оттуда бьет по всем нервам и перекрывает мне дорогу, нисколько не обращая внимания на мою стальную волю, что вовсе, как оказывается, не стальная и даже не воля, а так, что-то интеллигентное.

Через минуту и сам услышал, даже шум крови в ушах не мешает, скрип когтей по камню. Нечто поднимается из бездны, когти, должно быть, острые и огромные, чтобы тащить такой, судя по надсадному скрипу, вес.

Я прислушался и сообразил, что либо зверь похож на тысяченожку, либо снизу по стене поднимается целая стая.

Сцепив челюсти, я протасился вдоль фиолетовой стены. Там, где обрывается, идет гранит, почти такой же, как и сталь, только более тугоплавкий. Я пощупал, током не бьет, попытался вспомнить ту пещеру, из которой аббат и остальные святые отцы напутствовали нас на подвиг, отправляя в дорогу в один конец...

Скрип когтей по камню все ближе и все быстрее, торопливее, словно демоны учуяли живое существо в своих владениях.

— Да пошли вы все, — прошипел я зло, повернул на пальце кольцо Хиксаны и начал втискиваться в камень.

Когда оставалось втянуть только голову, сделал гипервентиляцию, насыщая ткани кислородом, закрыл рот и начал страшный путь в темноте и без ориентиров, где даже гравитация подводит, а камень настолько плотный и вязкий, что протискиваюсь, как мелкий жучок через загустевший сосновый сок.

Воздух кончился слишком быстро, с минуту еще могу держаться, когда грудь вздымается еще сама по себе, требуя кислорода, а его нет и нет, и волевым усилием удержишь, если лежишь на спине на удобной кровати, да еще и руки за голову, чтобы не давить на грудь. А когда

выныриваешь со дна озера, то продержишься вполовину меньше, а если вот так прешь через камень, стараясь еще и не уйти вниз, то укорачивается еще вдвое...

Я чувствовал в черепе и во всем теле жар, хрипел, но ощутилось впереди некое свободное пространство, я ломанулся туда из последних сил, упал на пол, почти не чувствуя, как ударился лицом, разбив нос, а только жадно хватая раскрытой пастью воздух.

С минуту лежал, наслаждаясь только дыханием, где-то неподалеку раздаются знакомые голоса, я узнал писклявый тенор отца Велизариуса, двух других не припоминаю, а четвертый... ну да, это Сигизмунд уверяет их, что сэр Ричард идет следом, нужно дождаться, помочь, протянуть руку навстречу, стена оказалась почему-то плотнее, чем ожидалось.

Я провел ладонью по лицу, кровь из разбитого носа сочиться перестала сразу и уже засохла, осталось только неприятное послевкусие падения вниз лицом.

Выпрямившись и с трудом сделав лицо веселым и беспечным, словно спускался вниз ловить красивых бабочек, те предпочитают жаркие места, я вышел из-за скалы, поддерживающей гранитный в живописных выступах свод.

— Привет!.. А вы что здесь делаете?

Священник и двое монахов вздрогнули, словно я за их спинами внезапно и со вкусом ударил в литавры.

Сигизмунд закричал в радостном удивлении:

— А как вы там очутились?

— Сбился, — пояснил я. — С дороги. В этой защитной стене вот такие короеды, представляешь?.. Я пока их давил, где-то неловко повернулся и нечаянно пошел вдоль. Я вообще человек мирный и редко иду поперек. А когда сообразил, что пора бы и выйти, то зашел уже далеко и убил слишком многих, как у нас часто и получается в делах, жизни и поступках, из-за чего каемся и уходим в монастыри, как вот поступили эти вот грешные и даже очень грешные души...

Монахи переглянулись, оба пожилые, умудренные, а отец Велизариус проговорил с сомнением опытного строителя святых стен:

— Но там же защита вроде бы уже заканчивается...

Сигизмунд воскликнул в детском изумлении:

— Стена разве толстая?.. Ах, сэр Ричард, это вы все так шутите? Я все никак не привыкну.

— Или это я худой, — сказал я, — и очень стройный... Впрочем, детали неважны. Эти мальчишки нас ждали?

Монахи молча и как-то суроволице поклонились.

— Аббат, — сообщил отец Велизариус, — велел дежурить, если почувствуем вдруг ваше присутствие на той стороне.

— И немедленно открыть, — добавил один из монахов.

— Ворота?

— Хотя бы калитку, если можно так выразиться.

— Аббат здесь вас не видит, — заверил я, — можете выразаться вовсю, отведите душу.

Я промолчу, а Сигизмунд вообще вас не поймет, у него душа с крылышками.

Отец Велизариус продолжал бледным голосом:

— Однако, как же... я же сам ставил эту стену... Правда, не один, но у нас все согласованно.

— Хорошо, — сказал я бодро, властно и решительно, чтобы не дать им рассусоливать на опасную тему, как я мог сбиться в стене толщиной в палец и почему вышел предположительно из гранитного массива далеко в стороне, — возвращаемся к настоящему и докладываем об успешном завершении операции по принуждению соседа к миру!

Сигизмунд заулыбался, уже свежий, как огурчик прямо с грядки, сделал шаг, оглянулся.

— Идем?

Я посмотрел строго на монахов:

— Готовы? Или нужно собрать струмент?.. Нет? Тогда пошлите, а еще лучше — пойдете, нельзя здесь спать. Монахам является всякое, а в таком месте, глядишь, и Санегерийя по старой памяти восхочет пошалить...

Один спросил с недоумением:

— А это кто?

— Святые люди, — сказал я с чувством, — как же вы мне все нравитесь! Отец Велизариус, а вы мне нравитесь особо! Не по-особенному, а как бы сверх обычного в духовном смысле.

Сигизмунд, оглядываясь в нетерпении, пошел вперед, а это значит, увы, снова вверх.

Монахи наверху, каким-то образом узнав о нашем возвращении, хлынули навстречу, перехватили на полпути. Кто-то из них один, оставшийся неузнанным, или же группа сумела объединить усилия, но я не успел опомниться, как голова чуть-чуть закружилась, мгновенная потеря ориентации, и мы все оказались в главном зале Храма.

Я жадно вдохнул холодный воздух, чистый и без примеси дыма и чада горячей земли, огляделся. Ясный солнечный свет бьет в высокие арочные окна, вижу высокие стены с каменными изваяниями святых, толстые колонны в три ряда, поддерживающие бесконечно далекий свод...

— Господи, — сказал я счастливо, — мы дома.

Отец Велизариус подтвердил:

— Дома. Вы очень хорошо сказали, брат паладин. Вы наконец-то дома.

Рядом с ним я увидел лица брата Жака, отца Муассака, Ромуальда, Мальбраха и, конечно же, приора Кроссбрина.

Все смотрят в радостном изумлении и с такими благостно-счастливыми лицами, что я крикнул и смолчал.

Отец Велизариус сказал ликующе:

— Пойдемте к аббату! Это великое событие.

Аббат тоже узнал о нас раньше, чем мы ввалились в приемную, сам вышел навстречу, обнял Сигизмунда, а потом меня сухими кузнечиковыми лапками перекрестил и сказал с чувством:

— Господь услышал наши молитвы! Братья, заходите, располагайтесь, послушаем рассказ наших подвижников.

Рассказывать пришлось мне, хотя я пытался перепахнуть эту честь на Сигизмунда. Однако священники сочли, что он в своей восторженности и любви к Христу будет неточен, многое наверняка не заметил, а что заметил, оценит неправильно. А вот я, человек черствый, ну, спасибо, многое расскажу такого, что они сами могли не знать или не заметить.

— Стена, — сказал я, — воздвигнутая с помощью святых молитв сильнейших чудотворцев монастыря и Храма... теперь это я вижу воочию, пока что держится.

Аббат спросил слабым голосом:

— И насколько прочна? На ваш взгляд?

Я вспомнил, как одно прикосновение к ней едва не вывернуло наизнанку, сказал поспешно:

— Для всех нечистых душ непроходима! Абсолютно!.. А так вообще-то весьма хлипкая.

Он взглянул на меня остро и зачем-то уточнил:

— А сломать ее с той стороны...

Я покачал головой.

— Мы с Сигизмундом неплохо проредили ряды наиболее воинственных демонов. А те, что простые рудокопатели или таскатели руды, — нам неопасны.

— Значит, — сказал отец Ансельм, — какое-то время у нас еще есть.

— А за это время, — добавил отец Ромуальд, — кое-что закончить успеем. Хорошо, брат паладин...

Я продолжил быстро:

— Простите, что напоминаю, но они знают о нас больше, чем мы думаем. У нас цель — спасти мир от зла, а у них все проще — прорваться к нам и всех уничтожить. Потому мы ими не интересуемся, отгородившись святой стеной, а они интересуются нами еще как! И собирают о нас все, что могут собрать.

Отец Кроссбрин буркнул:

— Много они могут насобирать!

— Много, — ответил я. — Даже из рая в ад могут быть перебежчики!

Наступило мертвое молчание, все перестали даже шевелиться, ожидая объяснения.

Аббат сказал устало:

— Я о таком не слышал.

— Здесь не из рая, — поправил я сам себя, — но этот Храм для меня почти что рай, настолько свят и чист.

Кроссбрин сказал с неприязнью:

— От нас тоже никто не перебежал!

— Точно? — спросил я. — А те два монаха, что решили померяться силой с демонами и прошли на ту сторону?

Аббат проговорил с настороженностью:

— Полагаю, оба погибли. Естественно, нанеся врагу рода человеческого большой урон. И души их теперь в раю.

— Я бы не назвал то место раем, — ответил я. — Хотя там и весьма тепло. Очень даже тепло! Так тепло, что рай уже и не совсем рай... К сожалению, по доброй или недоброй воле, однако оба тогда остались в том не совсем райском месте, хоть там и тепло. И зимы не бывает, надо же... Оба живые. Не знаю, насколько здоровые, но телами да, весьма даже.

Наступило короткое молчание, в кабинете повеяло холодом. Может быть, это и тайна, но двое из самых сильных монахов однажды отправились за стену и там исчезли, не подав о себе вестей.

Когда спустя дни отправили целую группу на их спасение, вооруженную до зубов, из той группы вернулся только один, приполз обгорелый и умирающий, успел сообщить, что те сверхмогучие братья не погибли, а перешли на сторону Зла.

Это было так дико и невероятно, но поверить пришлось, потому отцы Храма в страхе запечатали вход самыми крепкими святыми молитвами, а потом с каждым годом укрепляли как этот вход, так и стены на всех нижних этажах.

Отец Ромуальд наконец сказал резко:

— Не может такого быть!

Я повернулся к священнику, у которого манеры викинга лезут из всех щелей.

— Почему?

— Оба знают многие из наших тайн, — проговорил он, щеки на глазах побледнели и ввалились, подчеркивая выступающие скулы. — Это было бы крахом многих наших... Брат Александро к тому же помогал отцу Кроссбрину усиливать святую защиту стены... Он знает о ней слишком много.

Отец Кроссбрин поджал губы, глаза из-под нависших бровей метнули молнию.

— Знаете ли, — проговорил он сухо, — брат паладин наговорил слишком много невероятного. Тем более брат Сигизмунд, которому мы верим свято, подтвердить не может.

— Сигизмунд был без сознания, — пояснил я. — Временно. Но весьма.

— Тем более!

Они заговорили между собой, я ощутил нарастающий гнев, опять все утопает в бессмысленных дискуссиях.

— Отец Кроссбрин, — сказал я медленно и сквозь зубы, — а могу ли я поинтересоваться...

Он ответил враждебно:

— Сделайте милость.

— Если я правильно понял того черного монаха, — сказал я, — брата Александро... так его зовут?.. он был, если верить его поганым словам, вашим ближайшим и доверенным помощником?

Он отрезал с неприязнью:

— Всего пару месяцев! И что?

— Да так, — ответил я. — Он говорил про какой-то камень в стене.

Он насторожился, сказал резко:

— Что вы плетете? При чем тут камень?

— Если его вытащить, — пояснил я, — а то слишком уж расшатался... можно в нише что-нибудь поискать... Сейчас попытаюсь вспомнить, где этот камень, по словам черного монаха. И что там спрятано...

Его лицо разом побелело, он почти прошипел:

— Умолкните! Это не имеет никакого отношения к разбираемому делу.

— Точно, — согласился я, — это я так просто. Поэтическая метафора. Есть во мне такое возвышенное. А вы точно стихов в вашей очень далекой молодости не писали?.. Может быть, стеснялись и прятали от глаз старших братьев?.. За камнем в стене?

— Брат паладин...

Я прервал:

— Как я понял, вы хотели сказать, что верите моим словам истово и безоговорочно, но скромность вам мешает признать это открыто и вот так у всех на виду?

Аббат, отцы Ромуальд, Мальбрах, Ансельм и все остальные смотрели на Кроссбрин с недоумением, а он, тяжело вздохнув, произнес сломленным голосом:

— Да, после тщательного размышления я пришел к выводу, что брат паладин говорит правду. С той стороны нашу защиту ломали бывшие наши братья Александро и Серекд, некогда продавшие души дьяволу. К счастью, брат паладин каким-то образом сумел их...

— Обезвредить, — подсказал я.

— Да, обезвредить, — согласился он с неохотой. — Надеюсь, навечно. Так что наш Храм в безопасности.

Отец Ромуальд покачал головой, лицо его оставалось озабоченным.

— Вряд ли. Вы это знаете, отец Кроссбрин.

— На долгое время в безопасности, — уточнил отец Кроссбрин. — Достаточно для.

Я пошевелился, они посмотрели на меня, я сказал мирно:

— А вы учитываете, что там на Дне тоже знают о Маркусе? И готовятся по-своему?

Отец Ромуальд спросил с настороженностью:

— Конечно, готовятся. Но вы знаете, как?

— Есть намеки, — ответил я. — Они хотели бы уничтожить вас всех до прилета Маркуса. Чтобы потом не гоняться за каждым в отдельности по всем оруинным землям.

Отец Форанберг, дотоле молчавший, прогудел мрачно:

— Значит, у нас остаток зимы и весна.

— Но это не значит, — напомнил я, — что ударят в последний день. Удар будет нанесен, когда расшатают защиту. А это может быть и завтра.

Отец Ромуальд буркнул:

— Хорошо, хоть не сегодня вечером.

Сигизмунд, дотоле скромно помалкивающий, сказал чистым ясным голосом:

— Это точно не сегодня. Там остались одни рабочие.

Наступило долгое молчание, наконец отец Бенедерий словно очнулся от глубокого сна или обморока, вздохнул и проговорил слабо:

— Хорошо, брат паладин! Если у присутствующих нет серьезных вопросов, попрошу братьев отвести вас в келью и обеспечить отдыхом. Смотрите вы весьма... измотанным.

— Еле на ногах держусь, — признался я. — Что поделаешь, возраст... Это Сигизмунду хорошо, на целых две недели моложе!

Глава 3

Монахи окружили нас тесной группой, но Сигизмунда вскоре утащили в другую сторону, а меня провожали до самой кельи. Я заметил и отца Кроссбрин, но тот идет в сторонке, всматривается в меня достаточно встревоженно, стараясь не показывать виду, что взволнован, но когда монахи распахнули передо мной дверь, сами оставшись в коридоре, он неожиданно шагнул за мной следом и плотно закрыл за собой.

Я с любопытством всматривался в его лицо. Он старается выглядеть как всегда сурово и непреклонно, однако сейчас на лице сильнейший стыд и вполне понятный страх.

— Брат паладин, — произнес он настолько тихо, что даже самые чуткие уши по ту сторону двери ничего не уловили бы.

— Отец Кроссбрин, — ответил я с подчеркнутым равнодушием.

— Брат паладин, — сказал он еще тише, — я хотел спросить...

— Спрашивайте, — ответил я со всей любезностью.

— Я только хотел узнать, — проговорил он с трудом, — тот черный монах... продавший душу...

— Брат Александро?

— Да, — почти прошептал он, — что-то еще говорил?

Я отошел к противоположной стене, отец Кроссбрин покосился на дверь и с облегчением последовал за мной.

— Ничего особенного не сказал, — ответил я с небрежностью урожденного аристократа, у которого предков больше, чем у стегоцефала позвонков в хвосте. — Что мне нравится в монастырских уставах, так это понимание натуры человека. Не находите?

Он пробормотал:

— Ну, это есть...

— Нельзя, — сказал я, — без отдыха карабкаться к сверкающей вершине... Те, кто сгоряча вписал такое в устав, уже разбежались, а их монастыри закрылись. Не так ли?

Он ответил осторожно:

— Энтузиазм часто выгорает быстро. И вообще... на гору нельзя подниматься бегом.

— Абсолютно верно, — согласился я. — Мне тоже, знаете ли, необходимо личное пространство, когда за мной никто не подсматривает... Нет, женское платье не надеваю, но ковыряюсь в носу, чешу то жопу, то гениталии. Это ж такое удовольствие... что, даже не пробовали? Но, увы, в эти моменты я недостаточно величественен и не совсем прекрасен. Сам чувствую, возвышенности и одухотворенности чуточку недостает в моем благороднейшем облике! Потому не хотелось бы, чтобы видели подданные... Главное, какие мы на людях, в обществе, а также, кто бы подумал, важно еще то, что говорим и делаем. Все остальное — тлен и суета. Доброй ночи, отец Кроссбрин!

— Ночи доброй, — пробормотал он несколько ошарашенно, но в голосе звучало огромное облегчение. — Спасибо, брат паладин.

— Все мы люди, — ответил я напыщенно и с ликованием, проводил его до двери и сам распахнул перед ним. — Когда Господь был моложе и нетерпеливее, потоп насылал, города жег, а теперь уже старый и мудрый, понимает, все грешные, и либо всех перебить, либо позволить самим шаг за шагом бороться со своими слабостями, они же как бы грехи... Так что идите, отец Кроссбрин, идите, идите... Ах да, и не грешите в крупном.

Он не вышел в коридор, а выскользнул, совсем непохожий на того надменного и всевластного приора, каким я его знал до похода к нефилимам.

Около часа лежал на узком ложе и чувствовал, как из тела медленно уходит, словно испаряется, усталость. И хотя организм давно восстановился полностью, однако это другая усталость, я бы назвал ее усталостью души, если бы сам не ошетинился, слыша подобные высокопарные слова от других.

Бобик дважды исчезал из кельи, один раз услышав какой-то шорох, другой раз просто наскучило лежать. Это человеку никогда не наскучивает такое важное дело, а я все-таки в базе, как все, и потому хорошо, что человека судят не по базе.

Я начал думать о том, что меня ждет после того, как покину Храм Истины, тело расслабилось, я ощутил то самое тепло, что приходит перед сном, вдруг келья исчезла, вокруг меня уже странный лес в глубоком снегу, слишком толстые деревья с покрученными ветвями, на высоте в два-три моих роста ветви начинают соприкасаться, а выше так и вовсе переплетаются, что привычно только для южных лесов, а на севере каждое деревце отдельно, ветвей мало, да и то все на вершинках, потому что роскошная листва нужна, дабы в жару сбрасывать излишки воды, избегая перегрева, а какой тут может быть перегрев, еще неизвестно, бывает ли в этом страшноватом месте вообще лето в привычном понимании...

Холод начал проникать в мое тело, а за деревьями поднялась скала, похожая на обелиск, слишком ровные у нее края, и беспощадно блещущая вершина, словно скала вся из золота, и на верхушку пали первые лучи восходящего солнца.

Я застыл, стараясь даже не дышать, дабы не спугнуть видение, слишком отчетливое, чтобы оказаться грезами, пугающе объемное, резкое и чем-то угнетающее быстро и неотвратимо.

Холод коснулся сердца, кольнул остро, и видение исчезло. Я некоторое время лежал, слыша только учащенный стук сердца и прислушиваясь, как из тела начинается исход холода.

Бобик дрыхнет, он не реагирует на мои видения, если уж не замечал появления темной половинки души несчастного Целлестрина, везде тишина, затем я услышал по коридору приближение быстрых шагов уверенного в себе человека.

Раздался деликатный стук, в монастырях такое обязательно, это в королевском дворце могут вламываться без стука даже к королю, затем негромкий голос:

— Брат паладин, если вы еще не спите...

— Не сплю, — откликнулся я и поспешно сел на постели. — Заходите.

Дверь должна бы открыться или приоткрыться, однако она осталась на месте, а деликатнейший отец Мальбрах вошел кротко и тихо, посмотрел на меня бесконечно добрыми детскими глазами.

— Брат паладин, если вы отдыхаете...

— Да это я так, валялся, — ответил я и встал. — Садитесь сюда, отец Мальбрах. Вот этот стул вроде бы покрепче.

Он осторожно опустил широкий зад на сиденье, я пару раз невольно бросил взгляд на дверь, нарочно ли отец Мальбрах прошел сквозь нее или в благородной задумчивости просто не заметил незначительного препятствия.

— Вина, — спросил я, — постной пищи?

Он кисло поморщился.

— Да бросьте, брат паладин... Это важно простым людям и монахам на первых ступенях посвящения. А мы, старшие, уже обходимся без... гм... этих...

— Формальностей, — подсказал я. — Действительно, сильным не нужны строгие правила.

Я сел напротив, он сказал мирно:

— Мы и так действуем по самым строгим правилам. Хотя, конечно, иногда отклоняемся чуточку вправо или влево.

— Чаше, — сказал я, — конечно, влево.

Он с одобрением смотрел на тонко нарезанные ломти ветчины, шейки, карбонада, бекона, прекрасно понимая, что руки человеческие не смогут отрезать так ювелирно точно, но вопросов не задавал, мелочи, сильные люди не обращают на них внимания.

— Вы заставили, — сказал он одобрительно, — кое-кого занервничать.

Я сотворил две простые глиняные кружки, но одну наполнил прекрасным вином, а другую виноградным соком.

— Ну да, — согласился с ним мирно, — вы человек нервный, как вижу.

Он кивнул.

— С вами станешь. Вы знатный рыцарь?

— По рождению? — спросил я.

Он взял подвинутую ему кружку, раздвинул губы в улыбке.

— Можете не отвечать, понял. Добро пожаловать в наш муравейник, сэръ Ричард. Поверьте, здесь энергичных людей намного больше, чем кажется с первого взгляда... Ух, какое вино! Я даже не думал, что паладины могут творить такое.

— Паладины тоже совершенствуются, — обронил я. — И продвигаются. Выше допуск — выше возможности.

Он кивнул.

— Я так и понял. Думаю, так везде. У нас, как вы уже поняли, именно так. Уверен, после вашего героического рейда отношение к вам изменится и допуск... будет расширен.

— Спасибо, — ответил я, — а то, честно говоря, уже начал было. Я ведь прибыл сюда с единственной целью — найти средства борьбы, чтобы остановить Маркус! А что получил?

Он переспросил мягким голосом:

— Остановить?

— Остановить, — повторил я с досадой, — уничтожить, разрушить, не дать разрушить нас!.. И если для этого нужно будет пройти какие-то искусы или испытания, я готов на что угодно, хотя и не понимаю, зачем в таком деле какие-то искусы?

Он вздохнул.

— Понимаю вас, но понимаю и отцов Храма. Искусы, по их мнению, а оно небезосновательно, позволяют точнее определить, с кем имеешь дело. Мелким или слабым людям искусы даже не предлагают.

— Ну-ну?

— А только тем, — ответил он с расстановкой, — кому готовы что-то поручить или просто доверить важное... вы понимаете?

Я сказал с досадой:

— Да-да, Господь испытывает не грешников, а праведников, это мы знаем. Но я сразу сообщил, что прибыл, чтобы найти средство борьбы с Маркусом! А на меня никто и не обратил внимания.

Он с удовольствием смаковал вино, на меня поглядывал ласково и сочувствующе.

— А это задевает, — произнес он мирно, — не так ли?

— А вы как думали? — спросил я сердито. — Я что, только о своей шкуре думаю?

— Если вы в самом деле таков, — ответил он, — то сломаете все препоны, заборы и разобьете стены. И заставите прислушиваться к себе. А вы что, в самом деле считали, что вот придете, гордо заявите о своей великой цели, и все отцы Храма тут же ринутся вам помогать, даже не зная, что вы собой представляете? И есть ли вообще у вас силенки?

— Я могу сказать, — ответил я, — кто я и что собой представляю... только, боюсь, в данном случае это не возымеет действия.

— Вот-вот, — согласился он. — Уж простите великодушно, однако здесь свои... критерии. Несколько иные, чем в мирском... гм... мире.

— Хорошо, — сказал я с досадой. — Только не предлагайте лежать ниц перед распятием с недельку. Я паладин, мне такие детские испытания просто оскорбительны!

— Брат паладин, — сказал он успокаивающе, — теперь вам такое никто и не предложит.

— Вот спасибо!

— Вы вернулись из ада, — напомнил он, — пусть это еще не совсем ад, и тем самым доказали многое.

— Но тогда пора взяться за главную проблему!

Он отпил, хотел поставить кружку на столешницу, но передумал и сделал еще два больших глотка.

— Вы могли подумать, — сказал он наконец, — здесь боятся сразиться с Маркусом... Это глупость! Так могут говорить только те в миру, кто вообще не понимает монашества. Мы в любой момент готовы отдать жизни, ибо это лишь бранные тела, а души бессмертны!

Я спросил с напряжением, чувствуя неладное:

— А что же...

— Брат паладин, — сказал он страстно, — а не рука ли Создателя послала эту Багровую Звезду, дабы уничтожить род людской, погрязший в грехах?

Я охнул.

— Опять за рыбу гроши?..

— Брат паладин?

Я ответил со злостью:

— Всем втолковываю, что даже если это в самом деле рука Создателя послала Маркус, дабы стереть нас с лица земли, то Господь же все равно дает нам шанс!.. Он всегда дает шанс. Он даже потоп отсрочил на неделю, чтобы люди успели похоронить последнего праведника, Мафусаила... ага, так Господу это было важно!.. Просто Он из последних сил давал еще шанс, совсем крохотный, будто за неделю могли одуматься, если не одумались за сто двадцать лет! Ну, а вдруг бы одумались? Он всегда дает шанс. Или вы полагаете, Господь не в состоянии прихлопнуть нас всех разом, как пес хватает муху?

Он побледнел, перекрестился.

— Страшные вещи говорите...

— Господь может истребить моментально, — отрезал я. — Не предупреждая. А если предупреждает... хоть о потопе, хоть о Багровой Звезде, то надеется, что не будем сидеть сложа руки!

Он сказал несчастным голосом:

— Но в Священном Писании сказано: один раз Господь уничтожит род людской водой, а второй — огнем. Еще Адам это знал и приготовил две записи своих законов: один высек на камне, чтоб не растворилось в воде, а второй на глине, что от огня станет только крепче. Сейчас почти все считают, что приближается кара за наши грехи, и род людской должен сгинуть...

— Очень удобная отговорка, — сказал я, — чтобы даже не пытаться бороться, а сразу начинать строить ковчег... то есть искать пещеры поглубже. Человек всегда ищет оправдание!.. Но побеждают те, кто ищет не оправдания, а способы. Я уже устал об этом говорить, вернее, кричать. И отговорку насчет стелл слышал сто раз. И сам говорил!.. Хватит толочь воду в ступе, отец Мальбрах! Вы с нами? С теми, кто попытается дать отпор? Или же спрячетесь в пещеры?

Он вздохнул, перекрестился, подумал еще, наконец ответил несчастным голосом:

— Я хочу поступить правильно, что значит — по воле Господа. Вы поколебали мою веру... нет, не в Господа, а в то, что поступаю верно, собираясь уйти в пещеры. Я буду молиться и размышлять, просить Господа подсказать, какой мне сделать выбор.

Он поднялся, я вскочил, его округлое мягкое лицо стало совсем несчастным, но взгляд, напротив, подтвердел.

— Отец Мальбрах, — сказал я.

— Брат паладин, — ответил он и, чуть-чуть наклонив голову, вышел.

Похоже, мелькнула мысль, он тоже из знатных, какие-то манеры не вышибить, это уже не вторая кожа, а скелет...

Глава 4

Бобик прибежал в середине ночи, сытый и довольный, подставил голову, чтобы я почесал за ушами, и со вздохом великого удовлетворения брякнулся на пол посреди кельи.

Я не стал ждать, пока он захрапит, повалился на свое узкое и жесткое ложе. В голове ураган, но провалился в сон быстрее всякого бобика, а там сражался, убивал, за мной гнались, надо мной кто-то кричал страшным голосом, повелевая вернуться и драться, чтобы погибнуть, как положено доблестному рыцарю. Я послал в задницу и лишь ускорил бег, а потом вообще оттолкнулся от земли и полетел с огромной скоростью, растопырив руки, что постепенно превратились в крылья...

Проснулся в поту, все еще вздрагивая от медленно затихающего громового голоса, почему его никто не слышит, весь Храм трясется, пощупал грудь, сердце вот-вот выскочит в панике, даже мышцы живота напряжены так, словно пытаются не пропустить в кишки острую сталь клинка.

Тоже мне Храм, мелькнула злобная, как голодный хорек, мысль. Сны должны приходить чистые, святочные, без всякого, ну пусть со всяким, тоже не против, еще как не против, но не эти же безобразные драки! Я же почти король, а мне эти детские драки, я давно их перерос... Уже дня два почти.

Бобик посмотрел на меня внимательно, глаза багровые, в горле затихает глухое рычание, отошел и снова плюхнулся на пол посреди кельи.

— Что, — спросил я тихонько, — оно было... зримое?

Он вздохнул и положил морду на лапы. Вот тебе и Храм, сказал я себе сердито, отгорожен, защищен... А это всякое тогда откуда?

Правда, мелькнула мысль, оно может лезть прямо из нас, человек, как известно, просто переполнен всяким, как от Сифа, так и от Змея...

Утром я поднялся рано и беспокойно ходил взад-вперед по келье, которую не назовешь тесной, в голове все еще продолжает бушевать ураган, я с изумлением ощутил, что мысли мои носятся уже далеко за пределами Храма — что неправильно, неужели я приезжал зря...

В дверь тихонько постучали.

— Сиг? — крикнул я. — Заходи!

Дверь тихонько отворилась, вошел отец Мантриус, неслышный и сдержанный, тихо-тихо притворил за собой.

— Доброе утро, — сказал он и чуть-чуть поклонился, — брат паладин.

— Правда? — переспросил я. — Утро доброе, отец Мантриус. Простите, я ожидал Сигизмунда. Садитесь, пожалуйста. Вина, мяса, девок?.. Э-э, простите, я хотел сказать, молитвенник?

Он усмехнулся.

— Спасибо, ничего не нужно. Меня прислали разбудить вас, у настоятеля собирается народ для обстоятельного разговора.

— Тогда пойдете?

Он взглянул на потолок, подумал, что-то подсчитал, шевеля губами.

— Трое из старших сейчас заняты внизу, — сообщил он. — Крепят стену, готовят неприятные сюрпризы тем, кто сумеет прорваться... Это займет их еще на полчаса.

— А Сигизмунд?

— Юный паладин сейчас в молельне, — сообщил он. — Просит Господа очистить от великих грехов... откуда у него великие грехи, брат паладин?

— Думаете, — огрызнулся я, — от меня набрался? Грехи не блохи, так быстро не перепрыгивают.

Он огляделся, по-хозяйски сел на табуретку, очень ровный и спокойный, в полном равнодушии пожал плечами.

— Сейчас он просит дать силы для новых сражений... Могу сказать еще, брат паладин, отец настоятель готов с вами наконец-то поговорить серьезно.

Я встрепнулся.

— Надеюсь, мои слова наконец-то дошли... или кого-то задели? Как насчет вина на дорожку?

Он подумал, махнул рукой.

— Ладно, но только вашего. После него такой огонь по жилам!

Я наполнил кружки, себе снова темно-красного виноградного сока, отец Мантриус взял свою обеими руками, поднес к лицу и с удовольствием принялся.

— Божественный запах, — проговорил он с чувством. — Ной не все на ковчег взял, но виноградную лозу выбрал лучшую.

— Надеюсь, — согласился я и невольно подумал, что во времена перед потопом вообще не осталось непьющих, если даже лучший из лучших оказался почти алкоголиком. — Помимо постройки ковчега это второе великое решение Ноя.

Он хитро улыбнулся, сделал большой глоток.

— Заметьте, брат паладин, ковчег велел построить Господь, а виноградную лозу Ной взял сам!

— У нас всегда так, — согласился я. — Полезное делаем только по приказу, а пакость какую — так сами с песнями!.. Отец Мантриус, когда вы в прошлый раз спорили с отцом Аширвудом, вы очень хорошо несколько раз его поймали на скользком льду... Или, говоря по нашему, по-паладиньи, врезали с правой...

Он усмехнулся, отпил снова и некоторое время смаковал, полускрыв глаза.

— У нас такое случается часто. Что именно вы имели в виду?

— Вы красиво сказали, — напомнил я, — ваша деятельность в стенах этого монастыря служит спасению всего человечества... это была фигура речи? Должен сказать, очень эффективная!

Он перевел дыхание, повторил с неудовольствием:

— Что вы имеете в виду?

— Правильно ли вас поправил отец Аширвуд, — разъяснил я, — что вы имели в виду спасение только душ человеческих?

Он взглянул на меня из-под нависших бровей, помолчал, но я ждал с великим терпением, и он произнес сумрачно:

— Брат паладин, это и есть наша первостепенная задача!

— А какие второстепенные? — спросил я настойчиво.

Он фыркнул, вперил взгляд в кружку, где уже явно показалось дно, затем поднял голову и взглянул на меня в упор.

— Вы ведь были воином, брат паладин?

— Я им и остался, — объяснил я. — Как паладин, являюсь рыцарем-монахом. И сражаюсь с нечистой мечом и крестом, спасая не только души, но и тела, ибо Господу нужны живые люди, чтобы строили Царство Небесное на земле, как он и велел нам делать, выгнав на принудительные земляные работы Адама с его женой.

Он буркнул:

— Ну, Адама вообще-то зря... хотя, конечно, если жена согрешила, да еще со Змеем, то виноват все-таки муж. Однако не мое дело Господа осуждать, хотя, будь я тогда там, я бы деликатно подправил, учитывая его возраст... В общем, есть и второстепенные, как же без них? Хотя для кого-то из наших они стали уже первостепенными.

— Отец Мантриус?

Он посмотрел на меня почти с неприязнью, как на человека, что пристаёт с какими-то мелкими несущественным вопросам.

— Есть братья, которых больше заботит мирская жизнь. Нет, сами туда не уйдут, но о живущих в ней радеют, хотя если те погибнут летом, то попадут в рай, а проживи они жизнь до конца — сколько нагрешат?

Сердце мое забилося чаще, я спросил жадно:

— Это те, которых заботит Маркус?

— Багряная Звезда, — отрезал он сурово, — это знак, это приговор, это испытание!.. Это как гибель Содому и Гоморре... нет, это как Всемирный потоп, который наслал Севышний на погрязшее в грехе человечество!..

Я сдержался от резкости, проговорил почти смиренно:

— Отец Мантриус, я уже устал напоминать, хотя монахи лучше меня это должны знать, Господь о Всемирном потопе предупредил за сто двадцать лет!.. Он велел Ною посадить кипарисовую рощу, а через сто двадцать лет срубить эти деревья и построить из них ковчег, на котором и спасется с женой и сыновьями. Люди смотрели, как сажает Ной черенки, спрашивали, зачем, он объяснял, а они смеялись, хотя могли бы постепенно одуматься, покаяться, начать вести более достойную жизнь, и потопа бы не было!.. Более того, наступил день потопа, но умер великий герой Мафусаил, и Господь отсрочил потоп еще на несколько дней, чтобы героя похоронили с почестями и выждали время траура... Это был последний шанс, но люди не воспользовались даже им.

Он сказал с неприязнью:

— Мы это знаем. Лучше вас знаем и помним. К чему эти слова?

— Господь и сейчас дает шанс, — сказал я с нажимом. — Если будем жить, как люди до потопа... ну, как и жили, то Багровая Звезда Зла сметет нас с лица Земли, а немногие уцелевшие дадут начало иному человечеству... если в самом деле уцелеют, ведь когда-то могут и не уцелеть! Однако если сумеем дать отпор этому проклятому Маркусу, то Господь скажет, что мы выдержали испытание, и... всемирный потоп будет отменен!

Он буркнул:

— Всемирный потоп уже был. Теперь человечество погибнет в огне. Имелся в виду, конечно, Маркус.

— Но может и не погибнуть, — возразил я. — Господь дал нам свободу выбора! Теперь не сможем, как дикие эллины, валить все на волю богов. Все зависит, увы, только от нас!

Он допил вино, со стуком опустил кружку на стол.

— Пойдемте, брат паладин. Там наверняка все уже почти собрались.

В залах монахи и священники попадаютс нам чаще обычного, останавливаются и кланяются, я чувствую на спине их сверлящие взгляды. Похоже, уже все знают и обсуждают миссию, с которой прибыл этот брат паладин, не все одобряют, что странно, хуже того, чувствую, многие в прибытии Багровой Звезды видят почему-то благо. Хотя вовсе не почему-то, теперь знаю, почему.

В приемной настоятеля двое монахов шуршат бумагами, оба вскочили и смиренно поклонились.

— Отец Бенедерий ждет вас, — произнес один, не поднимая взгляда.

— Проводить вас? — спросил второй.

Отец Мантриус не успел ответить, я сказал со все еще не улечувившимся раздражением:

— Ребята, займитесь делом! Отец Мантриус тут лучше вас знает, где что лежит.

Отец Мантриус зыркнул на меня, но смолчал, а я сам отворил дверь и перешагнул порог.

В кабинете настоятеля с краю стола сидит еще и отец Кроссбрин, у него на коленях стопка из книг, а сам аббат по ту сторону гигантского стола кажется совсем маленьким и высохшим,

как старый кузнечик, что уже и не поет, а только скрипит всеми суставами, но при нашем появлении довольно бодро отодвинул толстый манускрипт, показывая, что все внимание нам, указал тонкой птичьей рукой на два кресла по эту сторону стола.

— Садитесь, братья. После вашего ухода, брат паладин, мы долго обсуждали взаимосвязанные проблемы.

— И не пришли, — сказал я смиренно, но едко, — ни к какому выводу.

Он слабо улыбнулся, наблюдая, как мы с отцом Мантриусом усаживаемся. Я просто сел, а отец Мантриус медленно и величаво опустился на сиденье, красиво расправив складки длинной рясы.

Отец Кроссбрин переложил одну книгу на стол, а вторую раскрыл на середине и сделал вид, что читает.

— Почему же не пришли? — произнес аббат мирно. — Хотя в какой-то мере вы правы, взгляды разделились.

— И большинство за то, — сказал я, — чтобы сидеть и не высовываться?

Приор скривился так, что заскрипели морщины, но все так же упорно не отрывал взгляда от страниц.

Аббат кивнул отечески:

— Вы правы. Но большинством всегда правит меньшинство. Хорошо это или плохо, но так было, есть и будет.

— Да, — согласился я. — Прекрасный принцип демократии!.. И что решило меньшинство, что рулит большинством? Ведь Маркус не так уж и похож на Божью кару. Во-первых, это не звезда, раз опускается на Землю, набирает пленных, а затем улетает, предварительно уничтожив все или почти все на поверхности Земли.

Аббат проговорил так же мирно:

— Есть мнение, что так называемые пленные — не совсем пленные, а скорее насильно спасаемые на небесном ковчеге... гм... так вот, если это так, то Багровая Звезда не совсем то, чем ее считают...

Я покачал головой.

— Ной был избран, потому что был лучшим в том дерьме, в которое превратилось человечество. А по какому принципу Маркус отбирает спасаемых?.. Нет, отец Бенедерий, я не хочу вдаваться в дебри споров о природе Маркуса. Для меня это зло, которое уничтожит род людской, потому надо с ним бороться... Храм и монастырь смогут ли чем-то помочь?

Отец Кроссбрин то и дело поднимал голову и поглядывал в нашу с отцом Мантриусом сторону, наконец не выдержал, хлопнул книгой по колену и сказал почти злобно:

— Брат паладин, вы бы сперва, прежде чем упрекать нас в лени и трусости, посмотрели на себя. Герой, да?.. Призываете на борьбу с Маркусом, ну да. Но сами-то что-то стоите? В смысле что-то можете предложить дельное?..

— Но я же...

Он остановил тем же брезгливо снисходительным жестом.

— Уже слышали. Вы об этом кричали во всех коридорах. Еще бы: с длинным мечом в недрогнувшей, отважно и смело, а главное — красиво!.. И, конечно, сами даже не пытаетесь уразуметь, что ничего еще не представляете? Да-да, я помню, что вы сделали там, внизу, но сейчас говорим о Маркусе. Вы прибежали к нам с криком: он всех убьет, давайте его сами убьем. Но... как?

Я запнулся с ответом:

— Пока... не знаю.

— И мы не знаем, — ответил он жестко. — Потому и уходим в пещеры. Но если знаете, скажите!

Настоятель проговорил тускло:

— И тогда мы сами пойдем и уьем.

Я открыл и закрыл рот. Священники смотрели с жалостью, а отец Бенедерий с таким сочувствием, что я сразу ощутил себя убогим и весьма калекистым.

Отец Мантриус сказал мирно:

— Брат паладин уверен, что мы, занятые мелочными делами, даже не пытаемся чем-то воспротивиться. Но у меня только один вопрос к нему, самый простой...

Аббат остановил его жестом.

— Не надо. Как-нибудь потом. Брат паладин, я вижу тяжкую скорбь на вашем челе...

Дверь распахнулась, в комнату вошли отцы Леклерк, Ромуальд, Фростер, Муассак, Латард, Стоунвуд и еще с десятков старших монахов. Мы выждали, когда они тихо усядутся вдоль стен, я ответил с тоской:

— Отец Бенедерий, время течет быстрее, чем песок между пальцев. Не знаю, как далеко судьба меня забросит, но что, если я, отыскав нужное, вдруг не успею вернуться в Храм до рокового дня?

Он подумал, взглянул на меня осторожно. Я затаил дыхание, вдруг показалось, что вот сейчас выдвинет ящик стола, вытащит браслет, а то и вовсе колечко, дескать, вот надень на палец, сразу перенесет тебя куда хочешь... или хотя бы только к нам, и то что-то.

— Брат паладин, — произнес он негромко и с такой доверительностью, что я невольно чуть придвинулся к нему ближе, — некоторые братья предполагают, что вы в состоянии передвигаться даже быстрее, чем на удивительном арбогастре, о котором в наших книгах остались только упоминания.

Я ответил скромно:

— По милости Всевышнего.

— Потому не стоит умножать сущности, — ответил он, — сверх необходимого.

— Понял, — ответил я послушно. — Брат Оккам не в вашем монастыре трудится?

Он приподнял брови.

— Брат Оккам? Нет, о таком не слышал. Думаю, брат паладин, вы достаточно оснащены для любого угодного Творцу действия. Только используйте эти возможности, раз уж они у вас есть.

Прибывшие позже дотоле помалкивали, но сейчас отец Ромуальд поднялся во весь рост, оглядел монахов с высоты своего громадного роста.

— Думаю, — прогрохотал он, — не ошибусь, когда выражу общее мнение. Брат паладин Ричард прибыл к нам, чтобы с нашей помощью дать бой этому исчадию ада Маркусу. Но мы даже не представляем... Брат паладин, мы полны понимания, а я в числе тех, кто очень хотел бы тебе помочь. Но у меня к тебе очень простой вопрос. Допустим, у нас появилась возможность прихлопнуть Маркуса одним ударом...

— Неплохо бы, — ответил я настороженно.

— Тогда скажи мне, — проговорил он почти ласково, — где он опустится?

Я открыл и закрыл рот. Почему-то даже не рассматривал тот вопрос, словно Маркус должен приземлиться у меня во дворе или, на крайний случай, в полумиле отсюда.

— Разве не может случиться так, — продолжил он, — что Маркус сядет всего лишь за пару королевств от нас?

Приор сказал с ехидцей:

— Это же близко, верно?

— Всего месяц, — подтвердил отец Ромуальд, — для кавалерии. Да только Маркус наберет рабов и поднимется в воздух до того, как мы пройдем даже треть пути!

Один из священников, которого я вообще даже не видел, добавил деловитым тоном:

— И вообще... на северном континенте или южном опустится? Брат паладин, не делайте большие глаза, мы знаем про южный континент, про архипелаги в океане и даже о подводных

городах. Так вот, мы не знаем, где он сядет на землю, чтобы наполнить свои трюмы людьми. А вы?

Отец Мальбрах повозился на месте, не утерпел, быстро встал и снял с полки книгу огромного формата, хотя и довольно тощую.

— Вообще о Маркусе, — сказал он, — всего одно сообщение. Да-да, что он опустился, набрал людей, затем поднялся в небо, ушел высоко-высоко, его можно было разглядеть только как яркую звездочку, а затем земля пошла волнами, как море при сильной буре...

— Но говорят же, — сказал я осторожно, — что он раз в пять тысяч лет возвращается...

— Это уже на выводах, — пояснил он. — Никто не видел, где он опустился, но все видели его приближение, а потом земля затряслась, все на ней рухнуло и рассыпалось в пыль, а затем пошли новые провалы, трещины, горы... И когда в очередной раз в небе Багровая Звезда начала разгораться все ярче, люди уже понимали, чего ждать, и полезли в пещеры...

Отец Форанберг, это который сторонник традиций в одежде, вздохнул, сказал с натужным оптимизмом:

— С каждым прилетом Маркуса народу спасается все больше. Глубокие пещеры разведаны заранее, туда опускается зерно, воды хватает в подземных реках. Церковь сохраняет книги, особо оберегает ученых богословов...

— И когда-то люди дадут бой, — подытожил один из молодых священников с блеском в глазах.

Я сказал коротко:

— Это «когда-то» пришло.

Глава 5

Аббат пошевелился, послышался хруст суставов, мы замолкли и повернули к нему головы.

— Наш первый искус для брата Ричарда, — произнес он шелестящим голосом, — предлагаю...

Он огляделся значительно, все ли поняли, а отец Мантриус, как самый сообразительный, сказал быстро:

— Пусть брат паладин отыщет место, куда опустится Маркус...

— Испытание, — уточнил Кроссбрин с некоторым злорадством. — Искус ему еще предстоит.

На меня взглянул с явной неприязнью, во взгляде я прочел нечто зловещее и даже гадкое, будто удар в спину.

— Испытание, — согласился отец Ромуальд тем же могучим голосом. — До прибытия Маркуса меньше чем полгода! Да какие полгода? От силы месяца три-четыре. Так что времени у тебя, брат паладин, в обрез.

Я поднялся.

— Хорошо. Сегодня же выезжаю.

Мантриус сказал милостиво:

— Можешь завтра с утра.

Я сказал озадаченно:

— Вы это все серьезно? Хар-р-рошее поручение!.. Как я могу узнать, где приземлится Маркус?

Он отвел взгляд.

— Брат паладин, у нас не простой монастырь... и не простой Храм.

Отец Леклерк, что все помалкивал, буркнул с неудовольствием:

— Все равно мне кажется, брату Ричарду даем невыполнимое задание.

— Зачем?

— А чтобы не мутил воду, — сказал он раздраженно. — Приор... и другие из высшего круга сразу ощутили, что прибыл человек, обладающий большими возможностями. Некоторые полагают, что он все-таки визитатор, только пока не раскрывается...

Я пробормотал:

— Меньше всего на свете я хотел бы стать проверяющим по монастырям. Меня ничего не интересует сейчас, кроме Маркуса. Его само существование — оскорбление для меня как человека!.. А в ваших библиотеках что-то есть по Маркусу?

— Слишком мало, — ответил отец Леклерк, — да и вы это уже знаете, брат паладин. Честно говоря, я тоже не представляю, где искать...

Я видел, как сидящие у стены начинают переглядываться, некоторые шушукаются, наконец отец Латард произнес нерешительно:

— А может быть... гм... ангелы что-то подскажут?

Приор зло поджал губы.

— Шутите?

— Они обязаны помогать, — возразил Латард. — Разве нет?

Приор напомнил еще злее:

— Божественные ангелы даже сейчас иногда бунтуют и отказываются подчиняться Всевышнему! С чего они станут помогать в том, что может помешать каре Господней?

Я спросил в изумлении:

— Что, до сих пор бунтуют? Значит, войско противников Господа растет? И они в конце концов победят?

Отец Мальбрах весь пошел иглами, сказал резко:

— Ни за что! Воинов Господа меньше, но они сильны верой!

Настоятель сказал мирно:

— Ангелов Господа становится все меньше, все верно. И ошибаются те, кто полагает в своей незамутненной вере, что сила Божьих ангелов растет. Нет, они остаются такими же, какими были созданы.

Я спросил тревожно:

— Тогда темные победят ввиду простого большинства?

Аббат посмотрел на меня ласково, как древний мудрый дед на сопливого внука:

— Еще не понял, сын мой? Господь изначально делал ставку на человека. Сила ангелов, как светлых, так и темных, остается той же, ангелы неизменны по сути своей, но человеку дано развиваться, его сила растет.

Отец Муассак перекрестился и сказал поспешно:

— Мудрость Господа велика!.. Он не зря назвал человека венцом творения и велел ангелам поклониться ему! А мог бы сами знаете, как назвать... Я бы точно назвал!

— Господь милосерден, — вступился за Господа отец Ромуальд, — и смотрит далеко вперед, чего мы не видим из-за своего малого роста.

Аббат изрек пророчески:

— Придет время, человек сравняется с ангелами по мощи и превзойдет их. Тогда ему покорятся все. Но уже сейчас, сын мой...

Я вздрогнул, посмотрел на него в испуге и даже отступил на шаг.

— Нет! У меня руки кривые, чтобы тягаться с ангелами!

Отец Кроссбрин взглянул на меня, перевел взгляд на настоятеля.

— Отец Бенедрий... а может быть, брату паладину в самом деле... в качестве испытания?

Настоятель посмотрел на меня с сомнением.

— В нем нет веры, как в брате Сигизмунде.

— Да, — протянул отец Кроссбрин разочарованно, — без веры там, увы... Брат паладин, а если это в самом деле было бы твоим испытанием?

— Отец Кроссбрин, — спросил я сварливо, — а вы уже прошли все испытания?.. Может, покажете свою подлинную мощь?

Настоятель раскинул примиряюще руки.

— Тихо-тихо, братья! У отца Кроссбринна были свои испытания, у брата Ричарда — свои. Пока ему рано тягаться с ангелами. Хотя он вообще-то готов, но на самом деле не готов. Потому всего лишь должен узнать, где приземлится Маркус.

— Только и всего, — сказал Кроссбрин ехидно.

Все молчали, а настоятель оглядел всех из-под кустистых седых бровей, словно припорошенных снегом, все не сводят с него взглядов, и сказал со вздохом:

— Брат паладин сейчас отправится в часовню принести молитву о защите в дальнем странствии, а мы подумаем... что можно сделать еще. Вы можете идти, брат Ричард.

Я поднялся, поклонился и вышел. Дверь часовни посмотрела на меня, проходящего мимо, в недоумении, но паладинам часовни и даже церкви не нужны, говорим с Творцом напрямую, потому прошел через залы, не глядя по сторонам, неприлично, монах у выхода во двор не успел за моими стремительными движениями, совсем не монашескими, а я пинком распахнул дверь в свежий морозный день с искрящимся на солнце снегом и чистым воздухом.

Во дворе почищено, словно снегопады обходят Храм и монастырь, а может, и в самом деле обходят, небо синее, солнце сияет уже ярко, щека ощутила его горячие лучи...

Народу нет, у колодца старая наледь, словно никто вообще не берет из него воду, зачем тогда эта декорация, разве что для проверяющих визитариев...

Я быстро прошел к расположенному под защитой стены зданию конюшни, но только успел протянуть руку, как сзади послышалось стремительно приближающееся жаркое дыхание.

Бобик налетел, как тур на новые ворота, мощно прижал к стене и требовательно спрашивал: не вздумал ли тайком убежать, а его здесь бросить?

— Сам знаешь, — огрызнулся я, — что не брошу! Бессовестно вот так выпрашивать, даже вытребовывать чесание и потрепывание...

Он помахал хвостом и сказал, что ничуть, с хитрыми людьми приходится быть хитрым, а просить почесать — святое дело, так как ни одна собака не в состоянии почесать сама себе спину, потому вот и вынуждена прибегать к хитростям.

— Ладно, — сказал я и пару раз скребнул когтями по его спине. — Это аванс, почешу в другой раз.

Арбогастр, что стоит, как статуя из черной блестящей стали, ощутил наше присутствие, мертвые глаза засветились багровым, хвост дернулся, а ноздри расширились, улавливая наши запахи.

— Мы по тебе соскучились, — сказал я. — Еще пришли сообщить, что сегодня же отправляемся в дальний путь.

Он довольно фыркнул, потянулся ко мне мордой. Бобик попытался ревниво втиснуться между нами, но мы воспротивились, а я, оглянувшись по сторонам, украдкой вытащил из седельной сумки клетку с пленником, она не крупнее рубина в навершии моего меча, а сам заключенный вообще размером с муху.

Я взгляделся, вроде бы жив, лежит на боку в позе эмбриона, да и что с ним делается, если бессмертный и неубиваемый.

— Эй, ты как?

Он разогнулся, я видел, как крохотное личико перекосила злая гримаса:

— Пришел просить прощения?

Я проговорил в недоумении:

— Я? Это тебе пора бы передумать...

Донесся тончайший голос, похожий на комариный писк:

— Ни за что!..

— Я не спешу, — сказал я благожелательно. — Думай еще. Жаль, я занят, а то бы придумал, куда поместить эту милую клеточку. Скажем, на лед, в огонь или под воду... А то и по очереди?

Он успел пискнуть:

— Но я же сказал, что принесу тебе присягу верности!

— А как я проверю? — спросил я резонно. — Если даже люди врут... Мне нужны не только клятвы, но и гарантии.

Он что-то пищал, но я молча запихнул клетку в седельный кармашек, дал арбогастру огромный кусок кристаллического сахара, он сразу же начал хрустеть им, словно дробил гранитные валуны, я чмокнул в мягкие бархатные ноздри и в сопровождении Бобика покинул конюшню.

Пока аббат решает, как можно использовать меня в общем, так сказать, деле, я вернулся в келью, пытаюсь выстроить в мозгу схему и планы завтрашних дней.

За Сакрантом, как рассказывала Аскланделла, на севере огромная и довольно пустынная Эстия, а за нею веером Аганд, Сизия и Меция, дальше Олдвуд и Гинтершелленберг, об этих странах вообще ничего не известно, и даже послов к моему двору не направили ввиду удаленности...

Я прошел с армией из Варт Генца через Бриттию, а затем Ирам в Пекланд с небольшим заходом в королевство Эбберт, а оттуда, из Пекланда, внезапным ударом захватил Сакрант, где и оставил армию на зимовку. Сейчас от нее слева оваянная зловещей славой королевство Мордант, справа — королевство Алемандрия со столицей Тантра-Ней, где правит неистовый воитель Конрад, которому не дает покоя слава добродетельного и кроткого короля Арнольда, чье королевство Галли, расположенное рядом, процветает под его правлением.

За спиной, то есть с южной стороны, откуда мы притопали, если по прямой, то Пекланд, Скарлянды, Шателлен и Турнедо. И моя дорогая Армландия, о которой почти забыл, но тамошние лорды гордятся мною, их гроссграфом, что завоевывает мир.

Армландия упирается в Большой Барьер, за ним Сен-Мари, королевство на берегу безбрежного океана, хотя все еще не понимаю, как можно стоять на берегу и говорить о безбрежности.

Итак, с чего же начать? Кстати, можно вспомнить, что в Мезине на троне моя взбунтовавшаяся жена, решившая пинком выбросить из дворца отсутствующего консорта, а вместе с ним и остатки его власти, а в Ламбертинии я оставил править эльфийку в полной уверенности, что никто не попытается захватить земли герцогства, посмеявшегося объявить себя королевством.

Самый могучий сосед там король Барбаросса, что давно строил планы по захвату Ламбертинии, даже женился для того, чтобы зажать ее земли с двух сторон: своего Фоссано и королевства Фарландия, которым правил его тесть, но тот передал ему трон и ушел на покой. Так что Ламбертиния слева и справа, то есть с запада и востока, зажата в клещах Барбароссы, с юга подперта Большим Хребтом, и только на севере граничит с Вендовером, король которого прислал в мое войско своего единственного сына заложником, и королевство Лихтен, о котором слышал краем уха, что правит там король Таннерс.

Начинать придется наверняка с Сакранта. Уже просто потому, что это королевство самое северное и лежит прямо на дороге. Но из него тоже нужно будет уйти так, чтобы остаться...

Когда я вернулся в здание, в холле меня перехватил отец Муассак.

— Брат паладин, перед дорогой получите благословение аббата.

— Иду, — ответил я бодро. — Получать я люблю!

Он сказал кротко:

— Наши братья приучены больше давать, чем брать.

Мне почудился упрек, я ответил так же бодро:

— Я тоже раздаю направо и налево, как удары, так и титулы, не жалко! Я вообще-то щедрая душа, могу и вдарить, это же так весело и благочестиво...

Он нахмурился, дальше шли молча, монахи распахнули перед нами дверь в кабинет аббата. Он поднялся навстречу, обогнул стол, рядом с его массивностью совсем худой и высохший, отец Муассак низко поклонился.

— Отец Бенедерий... прошу благословения для брата паладина.

Аббат взял со стола крестик на тонкой цепочке, и, пока он ее расправлял, готовясь надеть на мою шею, я успел рассмотреть, что крестик несколько странный, ибо по апостольской традиции Иисус на крестах еще жив, на католических — мертв, это видно по тому, что тело всегда висит на руках, а голова опущена на грудь, но здесь он на четырех гвоздях, как в апостольской, а не трех, как в католической, зато подножка прямая, а не косая, к тому же многовато концов, что характерно для апостольской... и вообще на всех концах креста какие-то глубоко вдавленные монограммы с загадочными знаками.

— Спасибо, — сказал я с надлежащей ноткой уважения. — Спасибо... весьма спасибо!

Он надел через мою склоненную голову, отступил и посмотрел строго.

— Судя по голосу, брат паладин, ты не понял. Это в самом деле святой крест.

— Правда? — спросил я с живейшим интересом. — Что даст?

— Только защиту, — ответил он еще строже. — Церковь всегда дает только защиту.

— Это хорошо, — сказал я. — А вдарить и сам смогу! Из-под защиты это еще слаще... Спасибо, отец Бенедерий!

Судя по его лицу, он смягчился, слыша мой искренний голос и глядя в мое чистое честное лицо с бесстыжими глазами.

— Отбываешь, — спросил он, — прямо сейчас?

— Да, — ответил я. — Если не мы, то кто?

Он не понял, переспросил в недоумении:

— Мы что?

— Спасем мир, — пояснил я. — Мир нужно спасти, отец Бенедерий!

Он посмотрел на меня исподлобья.

— А мы, по-вашему, чем занимаемся?.. То-то. Если брать шире, брат паладин, то все мы, которые считаются хорошими людьми, спасаем мир. Или хотя бы не даем соскользнуть в бездну. А вы думали, только мечом?.. Если бы все держалось только на мечях, мир бы давно сгинул!

Он перекрестил меня, я все понял и, поклонившись, вышел в холл. За мной последовал отец Муассак. Я думал, там и останется, однако он пошел рядом. В конце анфилады залов монахи распахнули перед нами обе створки ворот, будто нас прет дюжина в ряд.

Пахнуло холодным воздухом, отец Муассак повел носом.

— Весна...

— Это весна? — усомнился я.

Монахи побежали в конюшню за моим арбогастром, отец Муассак проводил их задумчивым взглядом.

— Отправитесь на коне?

— А что, — спросил я сердито, — он поедет на мне? Отец Муассак, что-то я вас не совсем понимаю.

Он ответил туманно:

— Да тут у некоторых, особенно внимательных и чутких, возникли предположения... Знаете ли, есть люди вроде нас с вами, которым хоть кол на голове теши, а есть чуткие тонкие натуры...

— Меня чуйства не волнуют, — отрезал я. — Будучи прагматиком, я должен выполнять свой долг сюзерена. Что вы хотели сказать своим тонко-чутким заявлением?

Он пробормотал:

— Простолюдины всегда либо ходят, либо ездят на телегах, благородные люди — верхом, а всякие там маги... гм... даже непонятно как.

— Вот-вот, — сказал я. — Темно и непонятно, как история мидян.

— Конечно, — добавил он, не обращая внимания на мою реплику, — им потом держать ответ перед Иисусом на Страшном суде, но в этой жизни у них явные преимущества, не находите?

Я гордо вскинул голову и выпятил нижнюю челюсть.

— Не знаю, мне маги неинтересны. Мои задачи, отец Муассак, хоть и неловко такое говорить, будто весь обуян гордыней, но все же помасштабнее!

— Вот этого я и боюсь, — сказал он мягко. — Ох, какой у вас конь... Признаюсь, я пару раз заходил в конюшню только для того, чтобы полюбоваться на такого красавца!

Я молча подошел к арбогастру, попытался отпихнуть Бобика, но если тот упрется, проще сдвинуть с места вросшую в землю скалу, арбогастр фыркнул, сделал шаг вперед, и я вставил ногу в стремя.

На крыльцо вышли приор, деканы, елемонизарий, келарь, многочисленные бейлифы и прочие из руководящей верхушки, выказывая мне знаки внимания и подчеркивая, что не просто отпускают меня из Храма, а возлагают серьезную миссию.

Я вскинул руку в прощании.

— Святые отцы...

Приор перекрестил меня, за ним задвигали руками и остальные, так что я ощутил себя укутанным паутиной, что сплелась в сплошной кокон.

Бобик в нетерпении подпрыгнул и ринулся к воротам, ему что замок, что монастырь, везде хорошо, все кормят и чешут, но еще лучше, когда навещаешь старых друзей, тем самым как бы расширяя нашу непобедимую стаю.

Глава 6

Отец Муассак прав, у меня была мысль промчаться с милю-другую, чтобы скрыться с глаз, потом остановиться и попытаться через Зеркало Горных Эльфов сократить время и расстояние, потом вспомнил, что у меня запланировано множество остановок по дороге, вздохнул и сказал Зайчику:

— Теперь можешь... всюю. Тут везде пусто...

Ветер взревел, перешел в ураган, я пригнулся, укрываясь под роскошным навесом гривы.

Мы долго неслись с такой скоростью, что даже Бобик не пытался ловить дичь, иначе безнадежно отстал бы, а я иногда выглядывал из-под защитного навеса, видел, как пошли пологие холмы Меции, промелькнула накатанная дорога до столицы.

Я покосился в ее сторону, сердце слегка защемило от сладостной неловкости. Стыдно и приятно.

Фараон, которому Авраам сказал, что Сара не жена ему, а сестра, взял ее к себе и сделал наложницей, а Авраам благодаря жене в постели фараона имел «...мелкий и крупный скот, и ослы, и рабы и рабыни, и лошаки, и верблюды...»

У меня же еще хуже, я знал, что Елизавета Тернельдская не сестра королю Вольфгангу, а жена, но спал с нею при молчаливом согласии ее мужа. Хотя король и сам не промах, за такое мое свинское поведение получил намного больше, чем лошаки и верблюды. Так что это еще та парочка, можно сказать, сообщники, и нечего мне стыдом исходить, как мукой сладкой. Все мы показали себя не самым лучшим образом, если исходить из высоких требований, но вполне по-земному: каждый поимел от такой сделки вполне конкретные блага и удовольствия, хотя о таком нельзя рассказывать даже друзьям, все-таки они до жути чистые души, хоть и не сигизмунды, конечно.

И на будущее надо держаться. Чем выше власть, тем чаще будут такие вот сладкие подводные камешки, о которые самому захочется запнуться. Не хорошо думать о людях плохо, но все равно найдутся честолюбивые и беспринципные, которые жену и дочь готовы уложить в постель лорда, только бы продвинуться, получить, иметь доступ, влиять...

Впереди появилась и стремительно приблизилась еще одна дорога в сторону столицы Меции, хорошо накатанная и прямая. Бобик даже остановился, видя, как я придержал арбогастра, оглянулся с вопросом в больших детских глазах.

— Нет, — сказал я сквозь зубы, — нет... вставай и топай, гад... мало ли, что хочется полежать в теплой постели... Тот, кто долго спит, чистит коня встающему рано.

Он посмотрел с недоумением, как это вставать, когда он и не ложился, но я уже тронул арбогастра, и мы снова понеслись, рассекая плотный холодный воздух, как стрелы из гастрфаретов великанов.

Меция, мелькнула мысль, кстати, единственное или чуть ли не единственное королевство, где никаких колдунов, во всяком случае во дворце, а какой король не берет к себе на службу самых сильных из доступных? Не заметил я и сурового и даже мрачного влияния Церкви. Все как-то светло и приятно во всем, будто некая северная Эллада.

Арбогастр все наращивает скорость, ураган ревет, затем начал стихать. Я выглянул из укрытия и увидел, как впереди появился и стремительно приближается сверкающий под солнцем город.

— Стоп-стоп! — вскрикнул я. — Чуть помедленнее... еще медленнее...

На холме я вообще остановил арбогастра, чтобы успеть окинуть взглядом Генгаузгуз, столицу королевства, а то сразу вслед за Бобиком внесет в лабиринт улиц, не успею сказать «мама», как передо мной вырастут ворота дворца, а мне нужно еще принять вид победителя, за которым идет верно и преданно и верят ему с выгодой для себя.

Когда спустился с холма и пустил арбогастра по дороге в сторону городских врат, обратил внимание, что крестьяне старательно роют в проседающем снегу канавы с обеих сторон.

Я восхитился, как умно, хорошо кто-то придумал. Снег, быстро или медленно истаявая, уйдет ручьями по этим канавам, не размочит и даже не подгрызет с краев дорогу.

На стук копыт повернулся старший над работающими, поспешно сорвал с головы шапку и поклонился.

— Ваше высочество!

— Мое, — согласился я. — Хорошее дело, молодцы!

Он сказал подобострастно:

— Ваше повеление исполняем!

— Ага, — ответил я, — ну да, я такой, от меня только хорошее, замечательное и очень даже замечательное!

Он робко улыбнулся, я же шучу с ним, таким простым человеком, а я пустил арбогастра дальше, стараясь припомнить, когда такое повеление дал, какой же я все-таки внимательный к простому человеку, даже до таких мелочей снисхожу...

Правда, видимо, слишком мелкое на фоне великих дел, потому даже с моей памятью не вспомнил, когда и как, но это неважно, народ видит мою неусыпную заботу.

За спиной раздался далекий звук трубы, звонкий и требовательный. Я оглянулся, по дороге мчится всадник в одежде цветов королевского двора, попона конская тоже с гербами, даже я признал золотые мечи, повернутые остриями вниз.

Все люди останавливаются, убираются с проезжей части, телеги и повозки поспешно сдвигаются все к левой стороне, чуть ли не заезжая колесами в канаву.

— Ого, — сказал я, — это что случилось?

На меня оглянулись, один из рабочих узнал, торопливо сорвал с головы шапку.

— Ваше высочество!.. Простите, не признал сразу... Это король Леопольд, кто же еще может так ехать. Сейчас промчатся.

Через минуту мимо пронесся отряд дворцовой стражи, все с мечами наголо, грозного вида усачи, в самом деле крупные и умелые, отобранные в гвардию по всему королевству. Еще полминуты напряженного ожидания, и показалась четверка великолепных лошадей, а за ними не катится, а буквально летит повозка на высоких полозьях. Мне даже показалось, что слегка пружинит. Во всяком случае, на санях передвигаться гораздо комфортнее, чем в телеге, там можно только шагом, а если с такой вот скоростью — костей не соберешь.

Двери закрыты плотно, окошки тоже, так что есть в повозке король или там кто-то еще, утверждать не буду, но убранство в самом деле королевское, эмблемы скрещенных мечей остриями вниз наклеены со всех сторон.

Успокоился король, мелькнула насмешливая мысль. Тогда и снегу было побольше, и мороз с ветром, а он прибыл верхом на боевом коне, зато сейчас передвигается с наибольшим комфортом.

Стражи у городских ворот сразу повернулись в сторону всадника могучего сложения да еще на огромном боевом коне, которого сопровождает такая же огромная собака ужасающего вида с клыками и красными глазами.

Из сторожки выбежал вельможный рыцарь, но стражи уже вытянулись, браво прокричали:

— Слава кронпринцу!

— Кронпринцу слава!

Я помахал рукой.

— Согласен-согласен, мне слава, а вам всего лишь деньги, но побольше-побольше, верно?

Они заулыбались во всю ширь, кронпринц шутит, а я подумал, что можно и не добавлять имени и титулов, других кронпринцев в королевстве не существует. Я прямой и единственный наследник здешнего короля Леопольда.

На одной из улиц несколько человек скалывают лед с тротуара, я с удивлением узнал в руководящем ими могучем мужике вильдграфа Вильдана Зальм-Грумбах, лорда земель Ирмии и Нирда, а также каких-то еще важных владений, о которых он никогда не забывает упомянуть.

Я придержал коня, он оглянулся на стук копыт, дернулся при виде Бобика, но тот сел на задницу и рассматривал его с вежливым любопытством.

— Ваше высочество, — проговорил он осевшим голосом. — Как вы... неожиданно!.. И собачка тут как тут.

— Здравствуйте, граф, — сказал я величественно, — как ваши города Зальм-Кирбург и Зальм-Даун? Они все еще справа от Генгаузгуза?

Он улыбнулся, показывая, как и те стражи у ворот, что шутку понял, спросил с удовольствием:

— Надеюсь, на этот раз надолго?

Я покачал головой.

— Рассчитываю на пару дней, а дальше как получится. А за что это вас понзили до чистильщика городских улиц?

Он засмеялся уже громче, во весь рот:

— А что, похоже? Здорово... Ко мне вечером гости придут, а тут всю улицу льдом схватило.

— А-а-а, — сказал я понимающе, — этот дворец за вашей спиной ваш?.. Красота какая! Смотрите, чтобы король не отнял.

Он покачал головой.

— Думаю, теперь король все будет делать с оглядкой на своего наследника.

— Сплюньте, граф, — сказал я уже серьезно. — Мне только не хватает влезать в дела королевства! А по бабам когда?

— Да, — подтвердил он, — это куда серьезнее. Поди, в монастыре с ними было туговато?

— Не то слово, — ответил я с чувством. — Король у себя?

— Он же король, — ответил он.

— И что, — спросил я в удивлении, — у своего дворца лед не скалывает?

Он расхохотался.

— Нет. Но только потому, что дворец... великоват.

Я улыбнулся, вскинул руку в жесте прощания.

— Увидимся!

Вокруг дворца снег убран, а лед сколот, что неудивительно, слуг много, а дворец на солнечной стороне, с этой стороны снег и лед тают одинаково быстро.

Дорога от ворот ограды ведет длинная, широкая, ограниченная с обеих сторон цепью заснеженных кустов роз, дальше по обе стороны целые горы снега, дорога к головному зданию дворца широкая, убирать приходится много.

А дальше дорога, приведя к роскошным ступенькам, спускающимся, как каскад водопадов, от покрытых золотом ворот, раздваивается и, не огибая дворец, уходит в стороны, где расположены еще корпуса этого великолепного комплекса.

Здесь группы рабочих, пригнанных или приманенных из сел, тоже роют дренажные каналы в ожидании таяния, хорошо, пусть уж лучше вода уходит по узким канавкам, чем нам придется бродить по колени в грязи, ожидая, пока все подсохнет.

— Молодцы, — сказал я с высоты седла. — Хвалю!

Бригадир низко поклонился.

— Это же ваше указание, ваше высочество!

— Ну да, — согласился я. — Мое высочество такое внимательное даже к мелочам жизни, хотя и не мелочное, как мне иногда кажется...

Они ждали, пока я проеду, затем опустили шапки на головы и снова принялись рыть сперва в снегу, а потом даже долбить мерзлую землю.

В левой части дворцового ансамбля мой штаб и апартаменты, арбогастр привычно понес по той дорожке, Бобик уже там прыгает у крыльца, пугая народ.

Я с ходу отметил некую неправильность, не сразу сообразил, что у главного здания на площадке для повозок расположились эти тяжеловесные и пышно украшенные, я бы сказал, экипажи, а перед левым только длинная коновязь, где не меньше трех десятков коней, все элитные, породистые, по большей части сухощавые и тонконогие, приспособленные для долгой скачки, и только с полдюжины настоящих гигантов, на этих явно прибыли не гонцы, а могучие рыцари.

Уже привыкли, мелькнуло у меня в мозгу. Мунтвиг использовал Сакрант как опорную базу для войска, в столице была его резиденция, но, когда я оставил королю Леопольду его дворец, он в жесте ответной любезности, тщательно обговоренной и запротоколированной ранее, предложил мне разместиться во дворце, который ранее занимал Мунтвиг.

И сейчас каждый видит разительный контраст: в главном здании — король, его двор, пышность и роскошь, а в левом — суровая мощь, люди в доспехах, при оружии, звучат отрывистые слова команд, все исполнено ощущением силы и власти... и каждый понимает, где власть декларативная, а где реальная.

Я ухмыльнулся, вспомнив роскошные троны в каждом зале: Мунтвиг соблюдал традиции и принимал всех строго в соответствии с их рангом. Это мне по фигу, на каком троне сидеть, а он на золотом принимал глав государств или полномочных послов, на серебряном — военачальников, на тронах попроще — глав гильдий и цехов, зато я могу принять хоть в коридоре, хоть на лестнице...

Поколебавшись чуть, в «свои» апартаменты или в королевский дворец, в правилах дворцового этикета такой случай не предусмотрен, я быстро взбежал по ступенькам в главный дворец, миновал холл, задрал нос и старательно не замечая ахающих и торопливо кланяющихся придворных, толкнул дверь приемной кабинета Леопольда.

Двое суетящихся от великого усердия канцеляристов подают на подпись бумаги массивному вельможе в довольно скромном камзоле, однако с шеи свисает толстая золотая цепь, а на ней огромная золотая звезда с бриллиантами.

Он поднял голову, в замыленных работой глазах появилось непонимающее, а потом изумленное выражение.

— Ваше высочество! Сэр Ричард!.. Что ж вы так неожиданно...

— Я скачу быстрее любых гонцов, — ответил я. — Хотя вообще-то это мой конь скачет, но мы, правители, всегда приписываем себе заслуги подданных, не так ли?

Он развел руками.

— Это даже не сами короли придумали.

— Впервые их кто-то опередил?

— Да уж... Доложить его величеству?

— Может быть, — сказал я, — не пугать его так уж сразу?

— А как?

— Подготовить, — предложил я. — Сперва сообщить, что все его дворцы на севере страны сгорели, три провинции взбунтовались, Мунтвиг объявил награду за его голову, любимая собака издохла...

Он дернулся.

— Может быть, про собаку не надо? А то удар будет слишком уж сильным...

— А сразу после собаки, — сказал я, — сообщите, что я за дверью. Он и про собаку забудет!

Он вздохнул.

— Нет, про собаку чересчур. Нехорошо шутить такими серьезными вещами... Скажем лучше, армии Морданта и Алемандрии вторглись с востока и запада? И жгут города?

— Сойдет, — согласился я. — Сэр Гангер, вы прекрасный работник! С выдумкой, что так важно и даже необходимо в серьезных государственных делах.

Он кивнул и торопливо вошел без стука в кабинет короля. Канцеляристы, непонимающие и трепещущие перед моим величием и непонятными переговорами, застыли, как суслики возле своих норок, страшатся даже дышать в присутствии столь грозной особы, будто я не кронпринц, а Бобик.

Гангер вышел буквально через пару мгновений, поклонился и церемонно развел руки в стороны.

— Его величество король Сакранта Леопольд Кронекер... гм... готов принять вас, ваше высочество, со всем радушием!

Я отметил его запинку насчет «принять», король хоть и выше по титулу, но его королевство под моей железной пятой, армия заняла как все стратегически важные крепости, так и саму столицу, однако этикет есть этикет...

Леопольд, не ломая голову над проблемой, как приветствовать кронпринца, который одновременно еще и оккупант, просто поднялся мне навстречу и улыбнулся одними глазами, как он умеет мастерски.

— Ваше высочество, — произнес он протокольным голосом, ибо хозяин здесь он, да и король, а не какой-то принц, пусть и коронный.

— Ваше величество! — воскликнул я.

— Ваше испытание в Храме Истины закончилось? — спросил он. — Садитесь, принц. Вы мой наследник и потому должны интересоваться делами королевства.

Я помотал головой.

— Ваше величество еще молоды, а я, со своей стороны, всячески и зело поспособствую вашему здоровью, дабы ваше наследство не обрушилось на мои хилые плечи.

— Принц!

— Ну, — сказал я скромно, — пусть не совсем хилые, но у меня слишком много других дел. Не таких важных, понятно, зато неотложных, что еще хуже.

Он продолжал улыбаться, уже не только глазами, но и лицо потеплело.

— Если я могу чем-то помочь, — произнес он медленно.

Я выставил перед собой ладони.

— Ваше величество! Я просто заскочил первым к вам, как к королю и сюзерену. Со своими повадуюсь в порядке живой очереди. Думаю, уже разнеслась весть, что мое высочество вернулось. Сейчас в мои покои народу набьется, как селедок в бочку. Селедка — эта такая рыба, хотя я никогда не мог понять, чего она лезет в бочки. Так что я, с вашего позволения...

Он сказал тепло:

— Да-да, конечно. Я ценю, что вы зашли сразу ко мне.

— Это был мой долг, — ответил и добавил со значением: — Надеюсь, сэр Гангер расскажет всем, куда я сперва, а куда потом.

— Он не сэр, — поправил он, — хотя иногда подумываю... но вдруг станет работать хуже?

— Да, — согласился я, — от добра добра не ищут! Еще увидимся, ваше величество!

Он проводил меня до двери, наверняка чувствуя облегчение, словно быстро выпроводил невесть откуда неожиданно забредшую грозу с громами, молниями и конским топотом.

Глава 7

Гвардейцы то и дело распахивают двери перед военачальниками, но когда я на скаку остановил коня и бодро прыгнул, по ступенькам навстречу мне важно спустился грузный человек в дорогой шубе, привычно распахнутой на груди, чтобы каждый видел огромную звезду, подвешенную на толстой золотой цепи. Причем в центре звезды рубин темно-багрового цвета, а на лучиках россыпь мелких бриллиантов, указывающих на высокую степень положения при дворе.

Он остановился и уставился в изумлении, а я сказал весело:

— Лорд Раймонд Меммингем?.. Рад вас видеть.

Он торопливо поклонился, все еще гибкий, несмотря на возраст, на лице изумление и некое даже потрясение, словно я неожиданным появлением нарушаю основы мироздания.

— Ваше... высочество?

Он всматривался в меня, как в выходца с того света. Привычной чопорности нет и следа, со мной не почопорничаешь, даже благообразность улетучилась, смотрит, как дитя на скелет, едва рот не открыл, что вообще-то непозволительно главному казначею короля Леопольда.

— Он самый, — ответил я с подъемом. — А что это вы не из королевских покоев? Шпионить ходили?

Он всплеснул руками.

— Ваше высочество, как можно!

— А чего?

Он сказал с поклоном:

— Некоторые действия и... меры, которые хотел бы осуществить его величество король, требуют... как бы это сказать поделикатнее, согласования с вами, ваше высочество.

— А-а, — сказал я. — Весьма! Да-да, весьма. Одобряю. Весьма разумно и мудро. Вижу, уже всюю готовитесь встречать весну?.. Молодцы. Ненавижу весеннюю грязь...

Он вздохнул, развел руками.

— Увы, это неизбежность. Но вы, ваше высочество, вовремя подсказали насчет этих канавок. Да, так вода будет уходить сразу, а не стоять огромной безобразной лужей, покрыв весь двор.

— Да, — согласился я. — Вовремя я подсказал. Я хорош подсказывать с расстояния в сотни, если не тысячи миль!

Он сказал кротко, но с некоторым удивлением:

— Но ее высочество принцесса Аскланделла...

Он запнулся, отвел взгляд в сторону, что-то прочел на моем разом изменившемся лице.

Я сказал резко:

— Что?

— Ее высочество, — проговорил он упавшим голосом, — велели...

— Ах да, — ответил я тем же тоном, хотя внутри все оцетинилось, — ее высочество велели, но как бы это я велел, хотя ротик открывала принцесса... Конечно-конечно! Вы сейчас тоже от нее?

Он поклонился, лицо чуточку изменилось, все-таки заметил, гад, что я не весьма ликую, царедворцы на это натасканы, другие вообще при королях не выживают, ответил осторожнее:

— Я же сказал, некоторые действия и... меры, которые хотел бы осуществить в королевстве его величество король, требуют, уж простите, согласования с оккупационными властями, ваше высочество.

— Ну?

Он развел руками.

— Я вот и хочу... согласовывать.

Я проговорил медленно:

— А так как я отсутствую...

— То некоторые инструкции, — договорил он, — я получил от нее... простите, от ее высочества принцессы Аскланделлы.

Я сказал почти зло, но все еще улыбаясь:

— А не приказы?

Он затряс головой.

— Нет-нет, только советы и...

— Что?

— Пожелания, — ответил он торопливо, уже все понял, мерзавец, когда же научусь держать морду ящиком, — некоторые пожелания в различных пустяковых вопросах.

— Каких? — спросил я с нажимом.

Он ответил осторожно:

— Сказала, что неплохо бы нам завезти зерно для корма лошадей вашей армии в запас, так как вскоре часть войск покинет Сакрант...

Я стиснул челюсти и проговорил с той же застывшей улыбкой:

— Ну, это не совсем то, что канавки прокопать... Спасибо, сэра Раймонд! Желаю здравствовать.

Он поклонился и быстро прошел мимо, а за ним его помощники, низко опуская головы и страшась встретиться со мной взглядом.

Меня постепенно окружает народ, все смотрят с боязливым любопытством. Зайчика уже увели, Бобика не видно, явно ринулся проверять кухню, как же там только и жили без него всю зиму, а из здания выскакивают мои военачальники, мои дорогие друзья, и в сердце сразу проснулась нежность, словно я вернулся домой в счастливое детство.

Первым появился герцог Клемент, самый огромный и массивный, но то ли в самом деле умеет ускоряться, то ли был у самых дверей, следом с большим отрывом вышли Мидль и Альбрехт, а затем по мере того, как весть о прибытии принца Ричарда разносилась, выскакивали Сулливан, Палант, принц Сандорин...

Меня перехватили на ступеньках, преклонив колена и опустив головы.

Я сказал весело:

— Счастлив видеть вас, други!

Они подняли головы, я жестом велел всем встать, живо окружили меня, я обнимал, хлопал по плечам, всматривался в лица, в самом деле радостные, ликующие.

Клемент проводил взглядом спешащего в главный дворец Меммингема, кивком подозвал одного из гвардейцев.

— Гонца в лагерь, — велел он, — пусть сразу прокричит, что принц Ричард вернулся!.. Конечно же, с победой.

Я услышал, возразил:

— На этот раз побед нет...

Он прогудел мощно:

— У вас их столько, что уже не замечаете, ваше высочество!.. Ну-ка...

Он кивнул лордам, я не успел вспикнуть, как меня подхватили сильные руки и с веселыми воплями понесли к дверям. Там уже распахнули во всю ширь и держат, даже ветер не хлопнет, лица у всех восторженные и ликующие, еще бы, здесь моя армия, а в остальных зданиях и флигелях все же завоеванные и покоренные, хотя официально значатся нашими союзниками.

В залах и коридорах возбужденные голоса, мимо меня проплывают факелы на стенах, впереди крики «Дорогу, дорогу!», и наконец внесли в главный зал и торжественно усадили

на твердое сиденье золотого трона, где сравнительно недавно Мунтвиг принимал послов и покоренных королей.

Я весело и с любопытством оглядел всех, жадной толпой столпившихся у трона, как сказал или скажет поэт, моих верных соратников и сподвижников, боевых друзей, с которыми делили ночь у костров, трудные походы, победы и немногие, но горькие поражения.

Клемент наклонился к моему уху и сказал доверительно:

— За Максом и Норбертом уже послали.

— Они все еще в лагере? — изумился я.

— Нет, — ответил он, — но там бывают чаще, чем здесь. Ваше высочество, если вы уже насиделись... может быть, сперва отдохнете в своих покоях? А вечером изволите провести большой прием.

Я внимательно посмотрел на его суровое лицо с резкими чертами, где почти нет морщин, а только резкие ущелья боевых шрамов.

— Герцог, — сказал я, — вы растете быстро.

— Ваше высочество, — возразил он, — всю зиму сидеть взаперти во дворце! Поневоле станешь галантерейным.

— А-а, — сказал я, — понял. Но вы правы, я посмотрел на ваши рожи, теперь все свободны, как и я.

— Вас проводить?

Я отмахнулся.

— Можете, хотя это неважно.

— Вечером прием будет здесь же?

— Да, — согласился я. — А пока войду в курс дел, какие дрова и сколько наломали без меня.

Он поклонился, как и другие, а я вскочил и бодрым шагом, сюзерен должен быть всегда бодр и алертен, отправился через заднюю дверь по узкому коридору, где на каждом шагу наши гвардейцы, в свои покои.

Вообще-то, знай я заранее, что король Леопольд вернется на трон, я не стал бы разорять его дворец, хотя на самом деле экспроприировал не так уж много, разве что казну выгреб до последней монетки да королевскую сокровищницу опустошил наполовину, но не зверствовал, а всю коллекционную золотую и серебряную посуду велел выставить на столы, драгоценные статуи из редких пород дерева и украшенные драгоценными камнями выставил у входа на лестницы, в залы, в длинных коридорах, особенно украсил большой холл, через который проходит больше всего народу.

Думаю, королю Леопольду пришлось скрепя сердце оставить все, как есть, иначе возникли бы разговоры о щедрости принца Ричарда и скупости короля.

Еще, уверен, ему пришлось оставить и даже скрепить своей королевской печатью и подписью ряд новых и весьма неординарных законов, которые я издал и ввел в употребление по королевству. На самом деле их составили городской старшина Генгаузгуза Рэджил Роденберри, Гангер Хельфенштейн, советник короля Леопольда, а также лорд Раймонд Меммингем, в прошлом казначей королевства и лорд-хранитель большой печати, а сейчас, похоже, вернувший себе все посты.

Составили после тщательнейшего обдумывания еще пять лет тому, якобы подавали королю Леопольду, но тот отверг, признав слишком радикальными, но сейчас вот они уже распространены по стране, и хотя прошло совсем немного времени, королю трудно будет отказаться.

Это как от кодекса Наполеона и его законов пытались отказаться пришедшие ему на смену короли, однако и законы вошли в быт, и орден Почетного легиона, и даже «Марсельеза» стала государственным гимном, а все великие свершения королей ушли на свалку.

Гвардейцы у входа заулыбались, но с мест сдвинуться не решились, даже не шелохнулись, а слуга в одежде моих цветов услужливо распахнул обе створки.

Я перешагнул порог, остановился, осматриваясь. Обстановка разительно поменялась, куда-то исчезла дурная помпезность, золото стен прикрито гобеленами и коврами, вместо роскошнейших и весьма неудобных кресел с прямыми спинками теперь легкие стулья с удобно загнутыми спинками, а под ногами только твердая поверхность дорогих пород дерева, никаких ковров с толстым ворсом, что собирают всю пыль и грязь.

— Ну ладно, — пробормотал я.

За спиной послышался мягкий и в то же время ироничный голос:

— Уверен, вам понравится.

Я буркнул, не оглядываясь:

— Граф, не держите. Мне это, конечно же, нравится, но именно потому и весьма не нравится!

Он вошел и встал рядом, а за нами с едва слышным стуком захлопнулись двери.

— Еще бы, — сказал он так мирно, что захотелось его вдарить, — такие перестановки... да еще в личном кабинете, какой мужчина позволит так над собой издеваться?

— Кто велел? — спросил я хмуро.

Он ответил с некоторым удивлением:

— Принцесса...

И хотя во дворце четыре принцессы, но по тому, как произнес, понятно, речь не просто о принцессах, подумаешь, их как воробьев, а о Принцессе, что может быть только единственной, неповторимой, а такая у нас только Аскланделла.

Я уточнил, чувствуя, как внутри начинают подниматься злость и оскорбленное самолюбие:

— Она отдавала эти указы... и еще всякие разные, от моего имени?

Он запнулся, по лбу пошли морщины, углубились, а брови сдвинулись и стали как бы мохнатее.

— Да нет... такого не помню.

— Тогда почему исполняли?

Он посмотрел на меня с подчеркнутым испугом, словно я поджег церковь.

— Но ведь принцесса...

— Так это чужая принцесса! — сказал я с нажимом. — Чужая!

Он распахнул рот, огромный, как у пеликана, как он так умеет, даже не представляю, в цирк бы его, а не вице-канцлеры.

— Правда? А мы все думали, ваша...

— Нет у меня никакой принцессы, — отрезал я. — Нет! Я сам принцесса!.. Никто меня не перепринцессит!.. Ладно, граф, садитесь и признавайтесь во всем.

Он тяжело вздохнул, сел в то кресло, на какое я указал, и сказал робко:

— Может быть, сразу послать за стражей с цепями?

— Я вас сам закую, — пообещал я.

— Ваше высочество, такая честь... Я лучше сам себя, я же простой граф. Хотел бы проще, да некуда.

Я опустил в кресло и сказал властно:

— Итак, начинайте исповедь.

— Всю?

— Да! А я посмотрю, чтобы глазки не бегали.

— Ваше высочество, — ответил он с укором, — я уже почти научился, подобно вам, врать прямо в глаза и не отводить взгляда. Нет уж, чтобы выznавать всю правду, есть такое зелье... Я заказал у местных знахарей. Два кувшина заготовил на будущее!

Я отмахнулся.

— Я вообще-то вас насквозь вижу, граф, вы же вьюн и угорь морской, а не человек. Но я понимаю, к чему вы это клоните. Лакайте, может быть, это зелье лучше развяжет язык.

На столешнице появились два одинаковых кубка, я же демократ, когда меня к этому не принуждают, хотя себе наполнил доверху темным виноградным соком, а графу коньяком.

Он сделал глоток, надолго задержал дыхание, потом спросил сипло:

— А попроще нельзя?

— Можно, — ответил я. — Как раз двигаюсь от простого к сложному, а вы как думали?

— Тогда, если вас не затруднит, переколдуйте... я хотел сказать, перепаладиньте это вот несомненное замечательное королевское вино во что-то послабее... ну, для графов.

— Увы, — сказал я, — не могу. Выплесните в камин, а я сделаю заново.

— Ага, — сказал он с удовлетворением, — хоть что-то не умеете делать. Сразу легче стало.

Он повернулся к камину, плеснул и, охнув, выронил в испуге кубок, когда огонь с готовностью взметнулся к своду.

— Это колдовство?

— Еще какое, — заверил я. — Вон уже кожа зеленеет, сейчас по спине пойдут шишки с орех размером, между пальцев начинают расти бородавки...

Он подобрал и поставил кубок на стол, вздохнул с облегчением:

— В жабу? Лишь бы не в лягушку, какие-то суетливые, не люблю. А жабы — сама солидность и достоинство.

Я наполнил его кубок шампанским так, что полилось на столешницу, и смотрел, как Альбрехт торопливо отпивает, стараясь не дать вылиться целиком.

— В каком состоянии армия? — спросил я.

— В боевом, — доложил он между глотками. — Герцог Клемент... и граф Максимилиан... не дадут... совсем уж распусться... Как только снег растает... и дороги подсохнут, тут же выступим...

— В сторону юга? — спросил я.

Он кивнул, в глазах некоторое удивление лишним вопросом.

— Ну да, мы же не знаем, где Мунтвиг...

Я сказал саркастически:

— А что армия выступит на юг, это вам принцесса сказала?..

— Ну да, — ответил он и посмотрел на меня с преувеличенным испугом. — А что, на север?

— На севере нам делать нечего, — ответил я сварливо. — И вовсе не потому, что где-то там империя Вильгельма Блистательного! Просто на юге нас ждут великие дела.

Он кивнул, спросил с разочарованием:

— Всего лишь великие?

— А что вам еще?

— Ну... а когда будут величайшие?

— Будут, — ответил я мрачно, сердце сжалось, величайшим делом будет схватка с приближающимся Маркусом. — Ох, граф, все бы вам драться, подвиги совершать, по колено в крови бродить... Брали бы пример со своего сюзерена! В монахи чуть не подался...

Глава 8

Он отшатнулся, перекрестился в непритворном испуге.

— Сэр Ричард! Хватит с нас одного Карла!.. Два — это перебор, это ни в какие ворота не лезет. Народ не любит повторов, мы от них как бы скучать начинаем. Лучше уж послушать женщину...

— ...и поступить наоборот?

— Да, — подтвердил он. — Мало ли что она говорит, что надо идти на юг! Ничего подобного, мы вот считаем, что все наоборот: на юг идти надо! И в этом будет ваша государственная мудрость: поступить вопреки женщине, но — правильно!

Я посмотрел на него с подозрением.

— Что-то как-то странно звучит, и вообще я ничего не понял. Но это не важно, для политика важнее инстинкт и близость демократических ценностей, а они у демократа всегда ниже пояса, чтобы чесать можно было через карманы. Так что да, дождемся схода снегов, а потом... потом... потом будем ждать, пока все подсохнет.

Он отхлебывал с явным удовольствием, а на меня посматривал с двусмысленной улыбкой.

— Сэр Ричард, не ревнуйте. Ее приказы выполняют только потому, что связывают ее с вами.

Я сказал резко:

— Да что за хрень? Я ни с кем не связан!

— Да-да, — согласился он, — кто спорит? Вы не связаны с принцессой Джоанной, хотя спите в одной постели, не связаны с королевой Мезины, хотя весьма и крепко, хоть и сбоку, в ее мужьях... так кто посмеет пикнуть, что связаны с Аскланделлой?

Я сказал сварливо:

— Вы и говорите, граф!

— Это другое, — пояснил он. — Им так хочется, ну что поделаешь?.. Честно говоря, нашим лордам ни одна из принцесс, что попадались по дороге, не пришлась так по душе, как Аскланделла.

— Да? — спросил я. — А Лиутгарда?

— Это огонь, — согласился он. — Это необыкновенная женщина!

— А ваша Аскланделла?

Он взглянул на мое лицо, чуть смутился.

— Ну, конечно, ваше высочество, мы восхищались всякими женщинами, что естественно... как умными, красивыми, так и особенными, как принцесса Лиутгарда, но когда появилась Аскланделла, все ощутили разницу.

Я сказал язвительно:

— Еще бы, дочь императора!

— Нет, — возразил он, — в ней есть, как бы сказать мягче, чтобы не задеть ваше и без того поляганное самолюбие, подлинное величие.

— Ого!

— Это важнее, — сказал он, — даже императорского титула. Остальные принцессы перед ней, что воробьи перед гусем. Даже лебедём. Наши все чувствуют, вот и Норберт к ней прислушивается весьма почтительно.

— Норберт? — переспросил я в тревоге. — Вы все с ума посходили. Где она сейчас? Я хочу прямо сейчас задушить ее собственными руками!

Он, отставив кубок, правда уже пустой, с готовностью поднялся, учтиво поклонился.

— Ваше высочество, она с утра ведет прием.

Я спросил с тяжелым сарказмом:

— Послов?

— И послов тоже, — ответил он, — но по большей части местной мелочи... Все-таки у нас армия, равновесие в королевстве нарушено, то и дело происходят некоторые... я бы не назвал их бесчинствами, а так, пустяковые эксцессы...

— Например?

— То таверну разнесут, — объяснил он, — то городишко какой сожгут, то чью-то дочь от знатных родителей умыкнут...

Я рыкнул:

— А почему не, скажем, Клемент разбирается?.. Ладно, сам знаю, он всех поубивает для торжества справедливости. А вы, граф?

Он ответил с достоинством:

— Я же вице-канцлер вашей милостью, как я могу?.. У меня другие дела. Хотя пока еще и не понял, какие... Так вы идете, ваше высочество? Или же в благородной задумчивости...

Я наконец отставил кубок и поднялся.

— Идемте, граф. И не вздумайте меня хватать за руки! Это будет государственная измена, предупреждаю по своей непонятной доброте.

По роскошным и празднично освещенным залам барон Герберт Оберштайн, явно исполняющий роль секретаря, хотя и непонятно почему и с какого перепугу, ведет за собой богато и со вкусом одетых лордов, полных еще не спеси, но осознания своей значимости и могущества.

Я остановился и придержал Альбрехта, наблюдая, как у входа в малый кабинет их встретил слуга в одеждах королевских цветов, поклонился и сказал негромко:

— Она вас примет.

Сэр Герберт обернулся к лордам.

— Минутку, я представлю вас.

Я подумал с одобрением: хорошо, обходимся без церемониймейстера. Правда, теперь поневоле...

Сэр Герберт исчез на несколько мгновений за дверью, затем вышел с сияющим лицом и гордо объявил:

— Ее светлость принцесса Аскланделла Франкхаузнер, дочь императора Вильгельма Великолепного!

Через широко распахнутые двери я видел Аскланделлу, стоит ровно и величественно, за нею три скромно, но с богатством одетые фрейлины, я узнал мордочки Джоанны, Хайдиллы и Рианеллы.

Аскланделла хороша, на этот раз ее голова, как дивный цветок, поднимается на тонкой шее из высокого кружевного веера воротника, лицо смотрится еще изящнее, хотя куда уж больше, над чернящими бровями нависает копыта блестящих, как воронье крыло, волос.

Вообще она показалась мне дивным цветком, ярким и непривычным для тех, кто привык к ромашкам да лютикам, а еще к клеверу, который так обожают кони.

Сэр Герберт поклонился ей и сказал торжественно:

— Ваше высочество, послы из королевства Тер-Овенс!

Он еще раз поклонился, уже в сторону двери, одновременно протянутой рукой плавно показывая послам, что да, могут войти, бить не будут.

Оба лорда прошли под высокой аркой, разом снимая шляпы с перьями, грациозно и с явным удовольствием поклонились, молодым красивым женщинам всегда поклониться приятно, преклонили колена и опустили головы.

— Сегодня вернулся принц Ричард, — произнесла она доброжелательно-нейтрально, — потому все ваши вопросы отныне к нему. Я же принимаю вас лишь согласно договоренности...

вместе с тем я рада, что ваше королевство отстраивается после разрушительной войны с королевством Алемандрия. Надеюсь, наши страны заключат союз.

Союз, мелькнуло у меня в голове, это ладно, общие слова, но о каких странах она говорит? И вообще, кто ей дал право принимать послов...

Оба коленопреклоненных лорда смотрят на нее влюбленными глазами, по их рожам вижу, что готовы вот так простоять перед ней хоть целый день.

Однако счастье когда-то да кончается, по царственному мановению руки оба послушно встали, медленно и с достоинством поклонились, на таких приемах каждый жест выверен и просчитан, суетиться нельзя ни в коем случае, ибо сейчас блюдется не только их достоинство, но в первую очередь принимающей стороны и королевского двора.

Сэр Герберт покосился в мою сторону, почувял присутствие грозного зверя, я кивнул и прошел к тронному креслу. Аскланделла перевела царственный взгляд в мою сторону, мягко улыбнулась, мне даже показалось, что искренне, хотя кто женщин поймет, а императорских дочерей и подавно.

Я шел через зал к пустому трону, но смотрел на Аскланделлу и тоже держал на лице застывшую улыбку радости и чуть ли не ликования. При закрытых дверях и наедине могу хоть морду бить, но на людях только предельная учтивость, вежливые слова и вообще галантерейность во всем, мы же интеллигентные... эти самые, нет, пока еще рыцари, а это повыше, чем эти самые, у интеллигенции только манеры, а у рыцарей еще и внутреннее достоинство, гордость, честь и верность слову, привычные пока что понятия, что станут дикими и пинаемыми в просвещенное время разгула демократии и всеобщих свобод. Всяких. Разных.

Аскланделла чуть повернула голову и просто смотрела на меня, но мне почудилось, что во взгляде, пусть и самым краешком, проступила радость или хотя бы слабое удовольствие, что это я, а не кто-то из назойливых обожателей.

Я ощутил, что моя улыбка превращается в довольно глупую, шел широкими шагами, сам чувствовал, что убыстряю движение, но остановиться не мог, а когда оказался перед нею, мою морду растягивала улыбка от стены до стены, а челюсть отвисла до пояса.

— Ваше высочество, — проговорил я. — Ваше высочество!

Все повернулись к нам, я чувствовал, что смотрят во все глаза, но сам смотрел только в ее чистое безу-коризненное лицо.

Она поинтересовалась хрустальным голосом:

— Ваше высочество?

Я опустил на сиденье трона, возложил загребушие на широкие подлокотники, как раз по мне, хотя этот скотина Мунтвиг делал под себя.

— Аскланделла, — повторил я, бросил взгляд на ее фрейлин, сказал с восторгом: — Вы не представляете, какое это удовольствие видеть вас... после постных монастырских рож!..

— Ваше высочество? — произнесла она мягко.

— Ни одной женщины, — сказал я с чувством, — представляете? Ни даже какой-нибудь заваливающей служанки!.. Так что уж простите мою радость при виде вас.

Она милостиво приспустила длиннющие ресницы, чуть укрыв глаза и бросив ими ажурную тень на высокие аристократические скулы.

— Рада за вас, ваше высочество, — ответила она мило. — Здесь много женщин, уж вы восполните.

Я вздохнул, развел руками.

— Увы, такое не восполнить.

— Почему?

— Не знаю, — ответил я, — те долгие дни так и останутся без женского тепла, а ночи — без их назойливого щебетанья. Да и, собственно, некогда, дел много...

Она красиво приподняла брови.

— Вы еще не вошли, а уже видите много несделанного?

— А кто их переделает, — спросил я, — как не их лорд и сюзерен?.. Есть такие дела, что за них даже мне страшно браться...

Я слышал, как лорд Велерд громко крикнул, а потом брякнул: «Какая красивая пара!» — на что лорд Изинакс ответил: «Друг для друга прям созданы». Думаю, Аскланделла тоже услышала, но ее лицо ничего не отразило, это я сразу весь изошел на экскременты, поклялся сегодня же устроить первому Варфоломеевскую ночь, а другому еще и Вальпургиеву. Знатоки человеческих отношений отыскались, один четыре раза женился, второму ни разу не удалось, но каковы теоретики, сразу чувствуется зарождение интеллигенции и свободомыслия, когда всех и всё критикуют, но ни за что не отвечают.

Из-за спины зашел Альбрехт, напомнил тихонько:

— Ваше высочество... соизвольте позволить продолжить прием?

— Да, — ответил я с подъемом, — да, граф. Соизволяю позволить.

— Послов из Тер-Овенса, — уточнил он, — или новых?

— Из Тер-Овенса, — сказал я твердо. — Они могут чувствовать ущемление мужского достоинства... гм... ну да, ущемление достоинства, что их принимала женщина, когда уже появился самец, потому я должен...

— Перепринять? — подсказал он.

— Именно, — подтвердил я. — И это будет уже по-настоящему официально, потому что будет! Ну, вы поняли, граф...

Он поклонился, кивнул барону Оберштайну, тот с радостной улыбкой поспешил из зала. Мои лорды, появляясь в зале один за другим, поднимаются ко мне на помост и выстраиваются за спиной, по обе стороны трона и вдоль стены, а сама Аскланделла смотрит на все с милостивой улыбкой императрицы, что позволяет всем нам заниматься своими детскими играми.

Двери распахнулись, оба посла от Тер-Овенса прошли ко мне, на мордах все еще счастливые улыбки, но это не мне, да и быстро тают, здесь им не там, а я не совсем Аскланделла.

В сопровождении сэра Герберта они прошли две трети зала и преклонили колени и головы в трех шагах от моего трона.

— Лорды, — сказал я чеканным голосом, — добро пожаловать в королевство Сакрант! Надеюсь, вы уже переговорили с королем Леопольдом, моим личным и весьма как бы другом?..

Они подняли головы, после секундного замешательства один ответил:

— Пока нет...

Я сказал благожелательно:

— Вообще-то можно сразу идти к королю.

Старший посол спросил в недоумении:

— Ваше высочество?

— Мы здесь люди временные, — пояснил я, — особого влияния на события не оказываем. Я уверен, что вы заключите обоюдовыгодный союз с королем Леопольдом. Я же, со своей стороны, рад, что королевство отстраивается. Я видел ту великолепную четверку мраморных коней, когда король Конрад захватил вашу столицу... Это просто чудо, что на свете существуют такие мастера! Вы счастливый народ удивительных инженеров и ремесленников.

Он сказал почтительно:

— Мы надеемся, нам удастся заключить с королем Леопольдом достойный для наших королевств союз. Однако еще больше мечтаем установить с вами узы доверия и доверительности, принц Ричард.

Второй добавил учтиво:

— Ваша слава гремит по королевствам и разносится по всем землям со скоростью ветра!

Я изрек важно:

— Я тоже... эта... мечтаю. Со скоростью ветра. Зефира! А сейчас прием продолжит наш дорогой друг и весьма доверенное лицо, вице-канцлер граф Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля! Только не спрашивайте меня, что это, граф уже и сам наверняка забыл. А мы с принцессой наедине возликуем друг другу после долгой и тягостной разлуки...

Аскланделла не повела бровью, разлука так разлука, тягостная так тягостная, государственные люди ничего не принимают всерьез, выждала, когда я встану и подам ей руку, величественно опустила на мою кисть кончики пальцев, и мы, как заводные фарфоровые куклы, сошли с тронов и синхронно двинулись к внутренней двери, а оттуда тесным коридором к моему кабинету.

Фрейлины за нею последовали испуганно, женщины — чуткие существа, как хомяки весной, хоть как я ни держусь красиво и нарядно, но ощутили быстрое приближение грозы, даже приотстали чуть, чтобы их не ударило громом, дуры, не знают, что надо бояться не грома, а молнии, а те я уже отметал взглядом, сейчас в самом деле почти добр, как-то все-таки Аскланделла на меня действует.

Глава 9

Моя свита, уже хорошо зная привычки их непредсказуемого лорда, сделала вид перед гостями, что сопровождает, но сразу же за дверью рассосалась прямо в коридоре.

Я подвел Аскланделлу к кабинету, слуга распахнул дверь, стараясь не улыбаться довольно, что они, все с ума посходили, я же в кабинет веду, а не в спальню.

Аскланделла послушно позволила усадить себя в кресло, выпрямилась и смотрела на меня спокойными глазами, крупными, ясными и безмятежными.

Я обошел стол и опустился в кресло напротив, некоторое время смотрел на нее инквизиторским взглядом, на что она отвечала полнейшим равнодушием.

— Ваше высочество?

— Да, — ответил я. — Оно самое.

Она не повела глазом, когда я сделал приглашающее движение, и на столешнице появился хрустальный фужер, загадочно мерцающий сотнями цветных искорок, настолько тонкий, что боязно взять. Вино, красное, цвета закатного солнца, возникло на доньшке и быстро поднялось почти до края, но не слишком, чтобы не расплескаться по дороге к губам.

Она спокойно смотрела, как рядом с первым появились еще два фужера, в одном вино оранжевое, как солнце, в другом багровое настолько, что почти черное.

— Из сухого пайка, — объяснил я. — В дороге что-то же надо есть и пить.

Она царственно наклонила голову.

— Да, ваше высочество. Особенно пить.

— А что, — ответил я с достоинством, — бездельник, как сказал граф Беранже, кто с нами не пьет!..

Она взяла фужер спокойно и с достоинством, отпила до половины и с осторожностью опустила на столешницу, явно стараясь не сломать тончайшую ножку. Золотистое шампанское тут же стремительно поднялось под моим строгим взглядом к золотому ободку у самого края, а серебряные пузырьки, появляясь на доньшке и стенках, бесконтрольно увеличиваясь в размерах, отклеиваются и мчатся наверх, выпрыгивая и разбрасывая тончайшую влажную пыль.

Я поинтересовался с необходимой подозрительностью в голосе:

— Ваше высочество, что за союзы заключаете за моей широкой и, надеюсь, надежной спиной? Ну, как я сам полагаю, а как вы ее оцениваете, не знаю...

Она медленно повернула голову, обратив ко мне ясное лицо.

— Вообще-то да...

— Ага, признаетесь?

— Что у вас широкая спина? — переспросила она с таким выражением, словно имела в виду место пониже спины. — Но это вы и сами, я уверена, замечаете, да еще как замечаете. Это же видно, как горделиво раздвигаете плечи, когда входите в зал.

— А что, — спросил я, — так не стоит?

— Нужно, — объяснила она, — но только чуть раньше. До того, как перед вами распахнут двери.

— Эх, — сказал я с огорчением, — каких же высот достигла мысль человеческая в империи!

— Зря язвите, — сообщила она. — Мелочи соблюдать легче, чем крупности, но польза от них бывает даже выше, ибо зримее и замечаемы даже людьми недалекого ума... А на ваш вопрос, который вы уже забыли, отвечу, что договоры и союзы я не заключала, а отправила к вам.

— А если бы меня не было? — любопытствовал я.

— Заключила бы предварительное соглашение, — ответила она обстоятельно. — Некоторые вопросы можно откладывать до бесконечности, но есть такие, что требуют решения быстрого. Даже немедленного.

— Ладно-ладно, — сказал я примирительно, — я скоро уеду снова, нам только подраться не доставало. Я уже остыл и бить, наверное, не буду.

— Вернетесь в Храм?

Я смерил ее взглядом. Смотрит спокойно и ровно, цвет лица безукоризненный, здоровая девочка, ничем не болеет, глаза ясные и чересчур для женщины умные.

— Вы же догадываетесь, — сказал я обвиняюще, — что не в Храм.

— Ваше высочество?

— Похоже, — сказал я, — принцесса, вы оказались больше правы, чем сами рассчитывали.

— Ваше высочество?

— Сначала выпейте это вино, — сказал я. — Это как бы за вашу победу. Я сраженный дракон, а вы попинывающая меня задней конечностью героиня.

Она остановила взгляд на возникающем перед нею фужере из радужного стекла, украшенном по бокам медальонами из чистого золота. Даже я, зная про их прочность, взял бы с некоторой инстинктивной робостью, а вдруг в моих скифских пальцах хрустнут и рассыплются в тончайшую пыль, и вообще, как такие фужеры удерживают тяжесть вина, сам не понимаю.

— Сосуд очень изящен, — признала она. — Что и понятно, развращенный юг направляет все усилия ума и души на мирские удовольствия.

— Увы, — согласился я, — вы правы. Хотя нам, высокодуховным, тоже можно иногда пропустить по фужерчику марочного винца, а потом покаяться. А можно и не каяться.

Она чуть приподняла брови.

— Почему?

— Создатель не мелочен, — сообщил я.

— Уверены? — спросила она с сомнением.

— Знаю, — сообщил я гордо.

— Откуда?

— Как паладин, — напомнил я, — что значит воин его... э-э... воинства, вы же слышали, что нас легион? Так и в Писании сказано!.. Небесный Легион. Правда, мы его земной аналог. Так вот, как легионер Господа, я примерно знаю его желания, вкусы, наклонности, пристрастия и даже высшие цели... Нет, высшие не знаю, зато строю предположения.

Она произнесла с подозрением:

— Даже не хочу представлять, какие...

— У меня фантазия богатая, — согласился я виновато. — Отведайте и вот сего винца.

Она осторожно пригубила, уже понимает, что рисуюсь перед нею, распускаю хвост уже не как простой деревенский петух, а как заморский павлин, ну да ладно, все равно мне есть чем хвастаться, а от осознания своей силы ощущаешь себя почти благодушным.

— Спасибо, — произнесла она чуть потеплевшим голосом. — В самом деле восхитительно.

Я откинулся на мягкую спинку, чувствуя, как блаженная усталость наполняет тяжелеющее с каждым мгновением тело, словно горячая вода мешок с ватой.

Аскланделла пьет мелкими глотками, делая большие паузы, ее большие серьезные глаза рассматривают меня изучающе, но мне сейчас все приятно, даже ее присутствие делает мой мир завершеннее и счастливее.

Через окно видно, как вечернее солнце медленно и торжественно опускается на сверкающую полосу заснеженной земли у горизонта, растекается там, как жидкое яйцо, превращая голубовато-зеленоватый снег в красно-оранжевый.

Вспыхнули напоследок далекие деревья и погасли, а яркий пурпур неспешно начал подниматься по склонам заснеженных гор, и чем ближе к вершинам, тем медленнее взбирается, а там долго горит красным пламенем.

Она отняла край фужера от покрасневших губ, те стали еще полнее и красиво выгнулись, посмотрела на меня и опустила фужер на столешницу.

— Так что, — напомнила она, — у меня за победа? Я должна подумать, пинать или не пинать.

— Пинать, — сказал я решительно. — Когда у вас будет еще такая возможность?

— Ваше высочество?

— Вам сообщаю первой, — сказал я.

Она наклонила голову.

— Польщена...

— Еще бы, — сказал я сердито. — Когда бы я еще признался, что прав не я, а кто-то другой? Да еще, какой позор, женщина! Хоть и дочь императора.

Она напомнила надменно:

— У императоров нет дочерей.

— Простите?

— Только наследницы, — произнесла она со странной интонацией, мне даже почудилась тщательно скрытая горечь. — Так что же?

— Я приму корону, — сообщил я. — Но не потому, что мне ее тычут в руки и даже пытаются тайком, подкравшись сзади, как к Карлу Великому, надеть на голову... а потому, что сам так изволю!

Она чуть наклонила голову, но не сводила с меня взгляда.

— Вы не похожи на человека, — произнесла она спокойно, — на которого может повлиять... попавшая под хвост вожжа.

— Ага, догадались!

— Прижало?

— Да!

Она спросила тихо:

— А можно поинтересоваться...

Я поколебался чуть, махнул рукой.

— К счастью, вы не женщина, вам можно. В общем, меня бесит обреченность, с которой все народы воспринимают грядущую гибель от Маркуса. И я намерен дать бой! Но для начала надо, увы, собрать ту мощь, которой у меня нет даже сейчас.

Я оборвал себя на полуслове, что-то распуская хвост, сам же только что сказал, что она не женщина, хотя, с другой стороны — в каких-то случаях можно пооткровенничать даже перед собакой, конем или отражением в зеркале.

Она смотрела на меня внимательно, затем на щеках, к моему изумлению, проступил нежнейший румянец.

— Вам понадобится не просто корона...

— Еще бы, — сказал я зло, — корона — это просто символ власти. К короне нужна еще власть, настоящая власть! Абсолютная. Зверская, если, по мнению демократов... не обращайтесь внимания, это сленг простолюдинов.

— Вам понадобится не просто корона короля, — повторила она медленно. — Вам придется добыть корону императора.

Я отшатнулся.

— Чур вам... на то, что у вас вместо языка! Он у вас раздвоенный или я плохо рассмотрел?

— В рот людям заглядывать неприлично, — напомнила она с достоинством.

— Это во время еды, — огрызнулся я. — В общем, вы со стула не упали, что хорошо. Правда, я сам чуть не упал! Вы уж не так сразу по голове, я чувствительный.

— У вас голова чувствительная? — спросила она с сомнением и тут же деловито посоветовала: — Избавляйтесь. Король не может быть чувствительным. Тем более император.

Я вскрикнул:

— Да идите вы в жопу со своим... простите, ваше высочество, что это я с вами, как со своими ближайшими лордами! Это непростительно, простите...

— Я просто не расслышала, — сказала она невозмутимо, — вы так орали и брызгали тем, что утром ели, что просто...

— У меня был рев?

— Визг, — уточнила она. — Корону намерены взять в Варт Генце? Или в Ламбертинии?

Я спросил с настороженностью:

— Почему так решили? Я подумываю насчет Эбберта... Там уничтожил всю прогнившую и развращенную королевскую династию, что угнетала народ. Трон пуст...

— Прогнившую?

— Да, — ответил я. — Все, кого уничтожаю, даже если нечаянно, прогнившие, порочные, оторвавшиеся от народных масс, потерявшие доверие простых герцогов, графов и всяких там баронов, а главное — раздразившие соседние королевства, у которых мечи длиннее!

— Верное уточнение, — произнесла она милостиво.

— А я, — сообщил я, — по воле Господа расчищаю площадку для строительства Царства Небесного!.. Кстати, еще можно в Турнедо... После гибели короля Гиллеберда трон тоже пуст.

Она напомнила так кротко, что ядовитое жало не заметит разве что младенец:

— Королевства Турнедо официально не существует. То, что называется «Турнедо», это земли, поделенные между победителями: вами, Барбароссой и Найтингейлом.

— У вас и память! — сказал я с уважением.

— Эбберт тоже, — продолжила она, — не лучшая кандидатура. У вас там слишком кровавая слава. Найдутся честные и отважные люди, что сумеют пробраться к вам и всадить в спину нож. Или подстеречь где-то, вы же постоянно выезжаете в одиночку. Да и подстергать не нужно, у вас настолько много там врагов, что, где бы ни появились, жди удар в спину или свист арбалетной стрелы.

— Ну, — пробормотал я, — от этих еще как-то отмахнусь... хотя да, некрасивая картина, если на государя покушение за покушением. Не так страшна гибель, как падение престижа... А Ламбертиния? Хотя вы не знаете, что это... Еще вина? Простите, я себе сделаю чашечку кофе. Что-то я совсем одурел, с вами вот сижу и разговариваю... Представляете?

— Что такое Ламбертиния, — сообщила она, — уже знаю. Общение с вашими лордами дает многое, они непростительно честны и откровенны. Огромное герцогство, что по каким-то древним законам или традициям не могло именоваться королевством, хотя по размерам... Вы его возвели в ранг королевства, там сейчас на троне ваша служанка.

— Она не служанка, — возразил я.

Она спросила с недоверием:

— А что, в самом деле эльфийка? Удивительно... Ламбертиния тоже не очень. Во-первых, только что стало королевством, а это не совсем серьезно. К тому же прижато к Большому Хребту... да-да, мы знаем о нем!.. а вам хорошо бы поближе к центру вашего влияния.

— Это Турнедо, — напомнил я.

— Турнедо, — возразила она, — часть Армландии, из-за чего ваши армландцы готовы за вас вниз головами с любого утеса. На мой неженский взгляд больше всего подходит Варт Генц.

— Что-о?

— Варт Генц, — повторила она. — Во-первых, король в присутствии высших лордов жалел, что не вы его сын, он бы вам оставил королевство...

— Это были только слова, — возразил я. — Но спасибо, что вспомнили. Ласковое слово и такой собаке, как я, приятно.

— Да, — согласилась она, — слова, но сейчас, когда погибли все его три сына и даже внук, это уже не просто слова. Высшим лордам либо продолжать кровавую распрю за трон... да-да, я слышала, либо передать корону вам уже не как временному правителю, а законному королю. К тому же их можно объединить со Скарляндией, что навсегда устранил распри...

— Устранил ли?

— При одном условии, — сказала она практично. — Земли королевства Эбберт можно присоединить к вашему новому королевству, куда войдут Варт Генц и Скарляндия. Повод очень серьезный: в связи с тем, что пресекалась существующая там династия королей. Земли ныне без сюзерена. А в Варт Генце и Скарляндии будет всеобщее ликование.

Я откинулся на спинку кресла и смотрел на нее молча и пристально. Она, похоже, увлеклась, на щеках нежнейший румянец разгорелся жарче, глаза блестят, холодный голос обрел новые краски и звучит мило и страстно.

— Вы в самом деле дочь императора, — проговорил я. — Вот только по этому вас узнали бы даже в платье нищенки. Так хорошо и тщательно все продумать... Придется мне сделать какую-то глупость, не могу же я последовать советам женщины!

— Вы же сами сказали, — напомнила она чуточку ядовито, — что я не женщина.

— То было в виде комплимента, — сказал я, защищаясь. — Я вас и в жопу послал... ох, простите!.. потому что иногда принимаю то за Альбрехта, то за Норберта, те тоже хитрые и все про всех знают.

Она молчала и смотрела с ожиданием. Я сопел, крутился, разводил руками, морщил лоб.

— Не мучайтесь, — произнесла она мирно. — Признать чью-то мысль интереснее своей — это признак силы, а не слабости.

Я на несколько секунд перестал слышать ее голос, сосредотачиваясь и представляя лучшее вино в хрустальных фужерах, в свое время я перепробовал самое разное, но не потому, что люблю, а «стыдно не знать», знание хотя бы названий вин как бы приобщало нас к высшему обществу, которое видели только в кино, и мы заучивали, а на праздники обязательно покупали дорогое вино и ставили в центр стола, а потом бережно хранили пустые бутылки, определив их на видное место, чтобы гости видели, что мы богатые и щедрые.

Я все же уловил, когда она перестала шевелить губами, сказал любезно:

— Ваше высочество?

Она произнесла ровно:

— Не пытайтесь быть внимательным. Вы меня не слушали.

— Гнусное обвинение, — сказал я, защищаясь. — Я всегда вас, ваше высочество! И никогда не. Это был бы не я вовсе.

Какие же у нее внимательные глаза, стараюсь не смотреть даже, взгляд, как у Сигизмунда, но у того беспорочная душа, а женщин беспорочных не может быть по умолчанию, стоит только вспомнить Еву.

Значит, у Аскланделлы что-то иное, чем ум, ум может быть только у нас, мужчин, это понятно, даже Церковь подтверждает, а в Библии не просто записано, но пять раз повторено, чтоб не потерялось.

Глава 10

В дверь тихонько поскреблись, я едва-едва расслышал, но Аскланделла тут же приподняла брови, взглянула на меня с неммым вопросом и повернула в ту сторону голову.

Я рявкнул:

— Открыто!

Дверь приоткрылась, заглянул Альбрехт, торжественно смущенный, изо всех сил, низко-низко, поклонился, стыдливо отвел взгляд и спросил в сторону:

— Там внизу готовят зал к пиру, сдвигают столы...

— И что? — прошипел я.

Он проговорил торопливой скороговоркой:

— Простите, ваше высочество, что прерываю вас в такой момент...

— Ка-кой мо-мент? — спросил я с расстановкой.

Он сказал еще испуганнее:

— Мы просто интересуемся, будете ли вы на пиру...

Я ответил с той злостью, что могла бы обрушить крышу, не будь здесь стен и поддерживающих свод колонн:

— А что дает основание думать, что я не буду, если пообещал? Граф, вы на что намекаете?

Он в диком испуге выставил перед собой ладони и попятился в коридор, но ударился задом о косяк, охнул то ли от боли, то ли от ужаса, поспешно сдвинулся, но не в ту сторону, похлопал ладонью по стене, не отыскал, спросил с жалкой улыбкой:

— Ваше высочество... позвольте оглянуться?

Я смотрел уже в лютом бешенстве, он понял, выскользнул в коридор и сам захлопнул дверь.

Аскланделла произнесла с милой улыбкой:

— Как же любят вас, сэр Ричард!

— Это называется любовью? — спросил я, все еще в раздражении.

— Да, — ответила она.

— Тогда вы предельно наблюдательны, — сказал я. — Хотя это, похоже, так и есть. В смысле вы наблюдательны, а не эта... такая странная любовь, похожая на сон. Я вот заметил только гнусное хи-хи над сюзереном, а вы... вы даже увидели, что хорошо бы канавы для стока воды прокопать заранее, а не потом.

Она произнесла почти равнодушно:

— Как я уже говорила, наша империя крайне стабильна. В ней так давно не происходило никаких катаклизмов и мятежей, что малейшее нарушение будет бросаться в глаза. А здесь их столько, что я просто не могла не заметить.

— И приказывали, — сказал я саркастически, — немедленно исправить! Выказывали свою императорскую волю!

Она в удивлении вскинула брови.

— Приказывала? Похоже, вы переутомились, ваше высочество. Я только иногда подавала совет...

— ...который мои лорды тут же бросались исполнять, — сказал я сердито. — Еще бы!

Она продолжала рассматривать меня очень внимательно.

— Что значит это «еще бы»?

— Это значит, — ответил я уже почти зло, — что эти свиньи охотно слушаются вас! Ненавижу этих предателей!.. Не понимаю, что... ладно, я до них доберусь!

Она произнесла негромко:

— Ваше высочество, а какой мой совет показался вам неверным?

Я порылся в памяти.

— Ну... вообще-то... вообще-то не обо всех мне еще доложили. Наверняка есть и серьезно подрывающие нашу обороноспособность, наносящие ущерб нашей экономике, репутации и платежной способности. Подождем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.